

А.А. Передельский

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

**СПОРТ КАК
СОЦИАЛЬНЫЙ
ФЕНОМЕН:**

**сущность
и онтологические
основания**

СПОРТ

Алексей Передельский

**Двуликий Янус. Спорт
как социальный
феномен. Сущность и
онтологические основания**

«Спорт»

2016

ББК 75.1

Передельский А. А.

Двуликий Янус. Спорт как социальный феномен. Сущность и онтологические основания / А. А. Передельский — «Спорт», 2016

ISBN 978-5-906839-54-1

Роль и назначение спорта в контексте развития культуры и цивилизации до сих пор остается одним из важнейших вопросов сущностно-системного анализа. Опираясь на работы целого ряда выдающихся ученых, Л.П. Матвеев во второй половине XX в. завершил создание общей теории физической культуры и спорта, позволяющей понять сущность и назначение спортивной деятельности. Однако, несмотря на вековую традицию развития философии физической культуры, мы до сих пор не имеем научной социально-философской теории спорта, позволяющей понять социальную сущность и основные закономерности возникновения и эволюции спорта как онтологического феномена, как социального института. Именно эту задачу ставил перед собой автор данной монографии. Для научных работников, специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, всех интересующихся философией и социологией спорта.

ББК 75.1

ISBN 978-5-906839-54-1

© Передельский А. А., 2016

© Спорт, 2016

Содержание

Введение	6
Глава первая. Генезис и современное существование спорта	17
1.1. Историческое и логическое в эволюции спорта	17
Общая концепция исследования	17
Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно-государственных институтов	19
Единоборства как фактор развития спорта	23
1.2. Сфера физической культуры и спорта с древних времён до наших дней	29
Физическая культура в государствах Древнего мира	31
Физическая культура в Древней Греции	37
Мифология Древней Греции	41
Физическая культура в Древнем Риме	43
Физическая культура в эпоху Средневековья	45
Физическая культура в Новое время	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Передельский Двуликий Янус. Спорт как социальный феномен. Сущность и онтологические основания

© Передельский А.А., текст, 2016

© Издательство «Спорт», 2016

* * *

Введение

Спорт является сложным многоуровневым и многогранным, постоянно изменяющимся социокультурным феноменом, в какой бы упрощённой, однобокой, фиксированной форме он не определялся научно, логически, юридически, этико-эстетически, не трактовался политически и не представлялся фактически. На конкретно-историческое, социально-онтологическое «лицо» спорта влияют как заложенная в нём с самого начала «социокультурная природа», так и оформляющий его конкретно-исторический социокультурный контекст. Иными словами, спорт – это конкретно-исторический продукт определённых социальных отношений, причём как по своему происхождению, так и по своей эволюции. С другой стороны, спорт не только продукт, но и эффективный механизм стабилизации или изменения системы социальных отношений, своего социокультурного конкретно-исторического контекста, оформления.

В большей степени функциональное бытие, существование спорта в качестве системного социального продукта и эффективного механизма социальной стабилизации и/или трансформации определяют: экономическая составляющая и как концентрированное идеологическое выражение экономики политическая составляющая. В меньшей степени (хотя и значительной) на существование спорта влияют: религиозная, мифологическая, научная, философская, художественная составляющие; в ещё меньшей – обыденная составляющая. Всё это далеко не очевидно, требует развёрнутого доказательства путем обращения к различным теоретическим источникам исследования социально-экономического, религиозно-политического и иного фокуса истории возникновения и изменения спорта. Но и тогда истинная сущность спорта вряд ли будет выявлена в полной мере. Ведь чтобы понять спорт в социальном измерении как социальный институт необходимо противопоставить его другим близкородственным социальным институтам, с которыми спорт соотносится в своем социальном бытии.

Актуальность темы исследования состоит в следующем.

Наука о спорте и сам спортивный процесс частью стихийно, частью сугубо декларативно стоят на позициях светского гуманистического образования, естественнонаучной ориентации. Однако они до сих пор не располагают фундаментальной системно-философской методологической и мировоззренческой основой, способной реально подтвердить или опровергнуть подобные декларации.

Отчасти это происходит потому, что за сто лет своего существования философия спорта в общем и целом так и не сумела выработать имманентный самому спорту и спортивной науке подход, проясняющий действительное происхождение, социокультурную сущность и роль спорта. В частности, если экономическая составляющая спорта, как правило, замалчивается, а политическая составляющая современного спорта ещё выступает предметом бурных дискуссий, то его религиозная составляющая (если не брать в расчет мифологический аспект) практически вообще находится вне зоны как научного, так и философского исследования. Чего никак не скажешь об этико-эстетических составляющих спорта, которым посвящены сотни и сотни публикаций. Хотя ещё неизвестно, какая составляющая может оказаться наиболее соответствующей реальной сущности спорта. В связи с этим даже совершенно очевидные факты экономического, политического или религиозного влияния спорта и спортивной деятельности, например, в психологии или социологии не находят своей адекватной философской интерпретации [см. Загайнов Р.М., 2005; Передельский А.А., Корамзева И.Б., 2010; Передельский А.А., Алексеев А.Г., 2014; Передельский А.А., Киртоаке А., 2014].

Особую актуальность исследование социальной сущности и социально-онтологических оснований существования спорта приобретает в современный период, период нового обострения политической и идеологической борьбы, когда спорт, распрощавшись с былой ориентацией на общественные движения и организации, превращается в насквозь политизированный социальный институт, в целое направление международной и внутригосударственной политики.

Степень научной разработанности темы. Генетические корни социально-философской рефлексии спорта, его природы, социальной сущности и значения уходят в глубокую древность.

Так, например, отдельные аспекты обсуждаемой тематики затрагивали:

– в античном мире – Аристотель, Платон, Сократ, Цицерон; на Востоке – Конфуций, Лао-цзы;

– в Средние века – Авиценна, Оккам, Фома Аквинский;

– в период XVI – XVIII вв. – Гоббс, Кампанелла, Кант, Руссо, Спиноза;

– в XIX столетии – Гегель, Камю, Кьеркегор, Маркс, Ницше, Спенсер, Фихте, Шеллинг, Шиллер, Шопенгауэр.

Однако в целом социально-философское осмысление спорта находилось на недостаточно адекватном уровне, поскольку это явление рассматривалось в философии, социологии и других социально-гуманитарных науках поверхностно, тривиально и в качестве несерьезных аспектов социальной жизни в отличие от экономики, политики, профессиональных занятий, которые считались важными, серьезными и существенными.

В отношении философии У. Морган по этому поводу пишет: «Философия слишком долго пренебрегала спортом. Хотя в философии существовала сложившаяся традиция рассмотрения форм жизни, имеющих большое значение для общества и людей (философия религии, искусства, науки и образования), спорт, несмотря на своё влияние на такие разные культуры, как культура Древней Греции и современной Америки, так и не удостоился сколько-нибудь серьезного философского внимания. Конечно, были и исключения. Например, Платон и Аристотель одобрительно и иногда даже восторженно писали об игре и спорте, а современные философы – такие, как Ницше и Хайдеггер, – использовали игру как метафору для определения своих особых мировоззрений. Сартр и Витгенштейн обращались к понятиям спорта и игры при разработке своих влиятельных концепций человеческого существования и языка. Но в целом большинство философов просто игнорировали спорт, считая его слишком несущественным для того, чтобы тратить на него своё время» [Морган, 2006; с. 147].

Более систематический анализ социально-философских проблем спорта начинается в конце XIX и начале XX столетия, когда спорт превращается в социальное явление мирового масштаба. К этим проблемам обращаются такие известные философы, как Дьюи, Марсель, Мерло-Понти, Мур, Рассел, Ройс, Сартр, Уайтхед, Хайдеггер, Ясперс и др., а также такие классики социологии, как Г. Зиммель, М. Вебер, М. Шелер, Ф. Знанецкий и др.

Социально-философские проблемы игры и спорта затрагивали в своих работах представители и других общественных наук, например культурной и социальной антропологии. В первую очередь их интересовали философско-антропологические проблемы игры и так называемого примитивного спорта, их религиозных функций в примитивных культурах и обществах и т. п. Данным проблемам посвящены, например, работы таких авторов, как: Culin S. (1907), Damm H. (1922), Bowen Wilbur P., Mitchell Elmer D. (1927), A.S. Bames, 1927, Firth R. (1930), Krickeberg W. (1948), Huizinga, Johan (1950), Hye-Kerkdal K. (1956), Mendner D. (1956), Sutton-Smith B. (1970), Sutton-Smith Brian (1978), Sutton-Smith B. (1981).

С ростом социально-педагогического, экономического, политического влияния спорта, противоречивого характера этого влияния формировалось и крепло мнение о необходимо-

сти специального социально-философского анализа спорта. Эти факторы способствовали становлению, начиная с 20-х годов прошлого века, философии спорта, социологии спорта и других социально-гуманитарных дисциплин, делающих предметом своего анализа социальные проблемы спорта.

Развитию философии спорта содействовало созданное в 1972 г. международное Философское общество по исследованию спорта (Philosophic Society for the Study of Sport). В настоящее время оно носит название «Международная ассоциация философии спорта» (The International Association for the Philosophy of Sport). С 1974 г. Общество издает международный журнал по философии спорта (Journal of the Philosophy of Sport), проводит иную регулярную работу.

Важную вспомогательную для философии спорта роль сыграл Международный комитет социологии спорта при СИЕПС / ЮНЕСКО – International Committee for the Sociology of Sport (ICSS), который был создан в 1965 г. и в настоящее время выступает как Международная ассоциация социологии спорта – International Sociology of Sport Association (ISSA). Международный комитет социологии спорта также издает специальный журнал – „International Review of Sport Sociology” (в настоящее время он называется “International Review for the Sociology of Sport”).

Существенный вклад в постановку и анализ проблем социальной сущности и значения спорта (в том числе олимпийского), его места в обществе, связи с другими социальными явлениями внесли философы, социологи, представители других социально-гуманитарных дисциплин из многих стран. К их числу относятся например:

- Великобритания – П. Макинтош;
- Белоруссия – У.П. Люкевич, С.В. Молчанов, В.А. Пономарчук;
- Германия – О. Вайс, Г. Витт, О. Групе, С. Гюльденпфенниг, Г. Ленк, Н., Х.Ю. Шульке;
- Молдавия – Н.Н. Визитей, В.Г. Манолаки;
- Польша – А. Воль, Е. Косевич, З. Кравчик, Й. Липец, Я. Мош, А. Пшилуска-Фишер, Б. Урбанковский;
- США – Э. Берри, Г. Вандерцвааг, К. Томас, К. Фольквейн, Д.А. Хиланд;
- Украина – С.Н. Бубка, М.М. Ибрагимов, В.Н. Платонов;
- Финляндия – К. Хейнила;
- Франция – Б. Жё, Х. Посьелло, Э. Франке;
- Чехия – Ф. Иоахимсталер, Я. Мергаутова, Б. Ходан, Дж. Черны, В. Чехак и др.

Значительную роль в постановке и решении проблем социальной сущности, значения спорта, его места и роли в социальной системе сыграли и играют отечественные исследователи. На первом плане у них находятся философско-мировоззренческие, социально-философские, философско-социологические, философско-антропо-логические и культурологические проблемы спорта. Вклад в постановку и решение этих проблем внесли: Гавров С.Н., Григорьянц А.Э., Данилов Р.С., Демин В.А., Кузнецов В.В., Кулаков А.М., Курамшин Ю.Ф., Лебедев А.С., Леонтьук М., Мазов Н.Ю., Манько Ю.В., Моченов В.П., Никишин Д.В., Пегов В.А., Пономарев Н.А., Пономарев Н.И., Починкин А.В., Сараф М.Я., Степовой П.С., Фомин Ю.А. и др.

Значительное внимание в публикациях отечественных исследователей уделено также социально-философским проблемам международного спортивного и олимпийского движения. В своих работах их затрагивают Бугреев А.Н., Егоров А.Г., Захаров М.А., Кыласов А.В., Моченов В.П., Починкин А.В., Родиченко В.С., Чернецкий Ю.М. и др.

Особенно значительный вклад в разработку обсуждаемых проблем внесла инновационная школа социально-философского анализа спорта и олимпизма с позиций гуманизма и на основе диалектической методологии, которую создал проф. В.И. Столяров и которая эффективно функционирует в настоящее время. Основные направления и результаты много-

летней (с 1972 г.) деятельности исследовательского коллектива Школы детально излагаются и анализируются в целом ряде работ В.И. Столярова [Столяров В.И., 2004–2015].

Кроме того, в этих публикациях впервые сделана попытка дать достаточно полное представление о подходах к разработке философских проблем спорта ряда исследователей стран Западной и Восточной Европы, Канады и Америки. Впервые представлена и соответствующая библиография публикаций. Поэтому они, наряду с изданной в нашей стране хрестоматией по социологии физической культуры и спорта и антологией философии спорта под редакцией К. Майера и В. Моргана, могут служить своеобразным путеводителем для читателей по философии спорта, соответствующим проблемам, концепциям и публикациям.

В 2015 г. опубликован первый в нашей стране учебник по философии спорта, который написан В.И. Столяровым совместно с автором данной монографии [Столяров В.И., Передельский А.А., 2015].

Несмотря на столь длительное и активное обсуждение проблем социальной природы спорта, наличие огромного числа посвящённых им публикаций, необходимость дальнейшего философского анализа не только не отпала, но стала ещё более актуальной.

В первую очередь это объясняется тем, что спорт – необычайно сложный, многосторонний и противоречивый социокультурный феномен.

Безусловно, следует отметить также концептуальное несовершенство эвристического и эпистемологического аспектов анализа.

Важным, влияющим на степень научной и философской разработанности темы обстоятельством выступает факт доминирующей естественнонаучной, эмпирической ориентированности спортивной науки, системно поворачивающейся «лицом» к социальной теории только теперь, на базе недавно созданных общих теорий физической культуры и спорта.

В последние годы возрос интерес к философским исследованиям в области мифологии и религии, или в области анализа источников религиозного и мифологического содержания общественной жизнедеятельности в разных областях (в том числе в области спорта) [Билалов М.И., 2011; Жукоцкая А.В., 2014; Жукова О.А., 2010; Захарова В.Д., 2010; Киселев Г.С., 2011].

В частности, это касается и агонально-спортивной традиции. В последнем случае можно констатировать две крайности: необоснованно позитивное отношение к религиозно-мифологическим мировоззренческим и фактическим основаниям спорта [Ленк Г., 1997; с. 156–179] и, наоборот, резко негативное отношение к ним, хотя и столь же недостаточно обоснованное [Кыласов А. В., 2009; с. 55–59]. Между тем, и одни и другие авторы формируют свою точку зрения, исходя из явного признания наличия таких оснований как очень весомой, существенной детерминанты, в том числе и современного спорта.

Всё изложенное выше ещё раз подтверждает актуальность нашего исследования.

Проблема исследования. Суть проблемы, которой посвящено исследование, можно сформулировать следующим образом: «Насколько ценным для социально-философского анализа спорта (как социально-онтологического феномена, в котором, так или иначе, должно находить своё воплощение социальное всеобщее) выступает рожденное эмпирической теорией определение спорта в качестве специфической соревновательной деятельности и комплекса социально-ролевых отношений по подготовке и организации спортивного соревнования?»

Иными словами, проблема состоит в том, что вышеуказанные «узкое» и «широкое» определения спорта (даже в их совокупности), предположительно, не являются достаточной основой для анализа социально-онтологической сущности и существования спорта, не позволяют проникнуть в собственно социальную сущность спорта, хотя и не ставят перед собой подобной задачи.

Гипотезой исследования выступает научно (эмпирически и теоретически) обоснованное предположение о том, что социальная сущность и онтологические основания существования спорта могут быть раскрыты лишь в ходе философско-теоретического диалектического анализа, причём анализа спорта не самого по себе, вне его конкретно-исторического социального контекста, а путем сравнения социального института спорта с другими социальными институтами, как в области физической культуры, так и за её пределами.

Целью исследования является разработка, всестороннее обоснование и реализация научно-философского, диалектического, гипотетико-дедуктивного подхода к анализу спорта и формулировке сущностно-содержательного определения спорта как системного социального феномена, онтологические основания существования и эволюции которого детерминруются специфически преломляемым в спорте конкретно-историческим социальным всеобщим.

Объект исследования – спорт как системный и эволюционирующий социальный феномен.

Предмет исследования – социальная сущность и онтологические основания системного существования и эволюции спорта в качестве социально-онтологического объекта.

Автор монографии ставил перед собой следующие *задачи*:

1. Исторически и теоретически доказательно представить спорт в качестве подсистемного образования, возникающего и развивающегося в пределах физической культуры как более общей и широкой целостности, тем самым не частично и декларативно, а полностью и фактически порвав с тенденцией рассмотрения спорта в качестве автономного и в большей степени самодетерминируемого, самодостаточного объекта, лишь формально имеющего какой-то социальный контекст.

2. Поменяв акценты со структурно-функционального (в определенной степени метафизического и механистического) – на генетический и системный подходы исследования физической культуры, обосновать гетерогенность, сложность и диалектичность организации данной социально-культурной области, в частности, выявляя исходную, наиболее архаичную клеточку или ячейку физической культуры, в роли которой выступала древнейшая форма единоборства.

3. Проследить эволюцию единоборств от архаичной социальной формы до социального института в свете проблемы их связи с также развивавшимся и усложнявшимся религиозным культом в его святилищном, храмовом, церковном оформлении.

4. Выявить и обосновать конкретно-исторические причины и механизм становления второго (по времени возникновения) социального института физической культуры – института физического воспитания, а также его взаимоотношений с институтом единоборств, религией и религиозным культом. Исследовать причины и механизм упадка института физического воспитания в связи со становлением института спорта.

5. Исследовать древнюю агонально-спортивную соревновательную практику как одну из форм религиозно-культовой состязательности, характерную для племенных и национальных религий древних средиземноморских этносов. Акцентировать внимание на обосновании причин и степени секуляризации природы этих соревновательных культов, а затем на выявлении финансово-экономических и социально-политических причин и оснований становления «феномена атлетизма» – светской ипостаси данных культов, тем самым показав необходимость экономического и религиозно-политического анализа, в том числе современного спорта и Олимпийских игр.

6. Используя указанный фокус анализа, показать двойственность и внутренний антагонизм реальной и идеальной (иллюзорно-компенсаторной) составляющих социальной сущности и онтологических оснований существования спорта как на формальнологическом (понятийном), так и на сущностно-содержательном (деятельностном) уровнях, доказав

целесообразность рассмотрения социального института спорта по аналогии с социальным институтом церкви в области их политического функционирования.

7. Используя фундаментальную (в социально-философской и философско-спортивной традиции) теорию отчуждения для интерпретации результатов сравнительного анализа политического функционирования социальных институтов спорта и церкви, теоретически выявить и обосновать существование недоступной для традиционного эмпирического анализа спортивной деятельности, скрытой, теневой или «ноуменальной» части спорта, раскрывающей его сущность в качестве специфической формы (вида) производства капитала.

8. В свете религиозно-политического анализа спорта и теории отчуждения подвергнуть анализу традиционно позиционируемые философией спорта философско-теоретические основания (источники) спортивной науки:

- философско-просветительскую теорию гуманизма (прежде всего итальянского гуманизма);
- игровую теорию культуры Йохана Хёйзинги;
- идею и реализацию философско-педагогического проекта Олимпийских игр Пьера де Кубертена.

9. В свете религиозно-политического анализа спорта и теории отчуждения подвергнуть анализу саму вековую традицию развития философии спорта в единстве её зарубежных и отечественных составляющих с выходом на обоснование необходимости гипотетико-дедуктивного научно-теоретического проекта социально-философского исследования спорта, а также необходимости разработки сущностно-содержательного определения спорта как идеального объекта строгого теоретического анализа.

10. В том же научно-теоретическом и социально-философском ключе рассмотреть проблему понятийной и модельной идентификации спорта (в частности, современного спорта). Решить данную проблему разработкой социальных моделей и сущностно-содержательного теоретического определения спорта как системного социального феномена.

Теоретико-методологической основой исследования выступает широкий круг фундаментальных (классических и неклассических) научных и философских трудов различных авторов, но в качестве главных, системообразующих источников рассматриваются две теории:

- формационная теория Карла Маркса и Фридриха Энгельса;
- теория отчуждения, прежде всего в интерпретации Людвиг Фейербаха и Карла Маркса.

В меньшей, но значительной степени теоретико-методологическое влияние на автора данного исследования оказали:

- теория дикости, варварства, цивилизации Льюиса Генри Моргана;
- диалектика Гегеля;
- концепция социокультурного отчуждения Освальда Шпенглера и Эриха Фромма.

Эмпирической базой исследования выступают: реальный спортивный процесс, систематизированные данные и результаты исследований в области педагогики, психологии, истории, социологии физической культуры и спорта.

Методы исследования. В исследовании применяются следующие философские и научные методы:

- диалектический метод (принципы детерминизма, целостности, системности, историзма, единства исторического и логического, восхождения от абстрактного к конкретному);
- общелогические методы, операции, процедуры определения и деления понятий, индукции, дедукции, аналогии, доказательства и опровержения;
- научно-теоретические методы идеализации, интерпретации, гипотетико-дедуктивного построения теории;

– научно-эмпирические методы анализа документов, включенного наблюдения, социологического опроса.

Если часть указанных методов применяется в той или иной главе (параграфе) авторского исследования, то как минимум четыре метода выступают в роли сквозной методологии для всей представленной работы. Это диалектические методы (принципы):

- логического и исторического;
- восхождения от абстрактного к конкретному;
- единства логики, диалектики и теории познания.

К этой же группе относится и гипотетико-дедуктивный научно-теоретический метод.

Авторское понимание, интерпретация каждого из указанных методов нуждается в некотором пояснении.

1. Метод (принцип) логического и исторического, помимо всего прочего, предполагает единство и последовательность формальнологического и содержательного (исторического и иного эмпирического или теоретического) анализа с целью прояснить логическую правильность демонстрационных рассуждений, истинность выдвигаемых тезисов и приводимой аргументации.

2. Принцип (метод) восхождения от абстрактного к конкретному предполагает целых шесть векторов движения исследовательской мысли:

- от предварительно нерасчлененного интуитивно очевидного образа объекта – к сбору первичной эмпирической информации о нём;
- от сбора указанной информации – к формированию научно-теоретической концепции предмета исследования;
- от концепции – к получению необходимого и достаточного объема и качества эмпирических данных путем реализации научно-исследовательской программы;
- от данных – к получению итоговых научных показателей путем теоретической интерпретации этих данных;
- от аналитики показателей – к подготовке и внедрению практических рекомендаций;
- от внедрения последних – к итоговому логическому анализу результатов научной разработки и практического внедрения концепции по критериям теоретической зрелости.

Правда, пятый и шестой векторы хода исследования в настоящей работе видимым образом отсутствуют по причине её социально-философского характера. Однако они «читаются» контекстуально и при должном усилии их легко развернуть подобно всем остальным векторам.

3. Принцип единства логики, диалектики и теории познания в нашей интерпретации близок к принципу единства логического и исторического, однако здесь скорее имеет место отношение подчинения, нежели полной совместимости суждений. Речь идет о том, что логика процесса на формальном уровне в стратегических точках отражает диалектику его развертывания, а это сходство (или единство), в свою очередь, фиксируется (или должно фиксироваться) в теории познания, стремящейся к получению и передаче истинного знания.

Наконец, гипотетико-дедуктивный метод и построенная на его основе одноименная теория (в отличие от аксиоматической или описательной теории), как доказывает история и философия науки, есть единственный способ подтверждения претензии на получение достоверного знания. Данный способ рождается научно-исследовательским механизмом, не только охватывающим теоретический, эмпирический и практический уровни анализа, но и полностью совмещающий позиции, принадлежащие разным уровням исследования. Поэтапно это достигается:

- первичной логической интерпретацией теоретических положений (допущений);
- логической операционализацией этих положений;

- эмпирической проверкой (подтверждением или опровержением наиболее конкретных операциональных понятий);
- интерпретацией эмпирических данных в поле задач, гипотез теоретической части научной программы;
- аналитическим построением полученных показателей;
- выработкой и реализацией практических рекомендаций.

Положения, позиционируемые и доказываемые в исследовании.

1. Спорт как имеющий свои предтечи, зародышевые формы социальный феномен изначально являлся одним из составных элементов, а затем и одной из подсистем, гораздо более общего, широкого, древнейшего социального образования – физической культуры. Под физической культурой следует понимать область отношений и деятельности, связанную с периодическими или регулярными телесно-двигательными занятиями. Основу этих занятий составляют физические, психические, интеллектуальные упражнения, ориентированные на производство и воспроизводство человеческой телесности или целостности, позволяющие развить способность к овладению и управлению движением для активного и эффективного функционирования в пределах диапазона исторически конкретной общественной производственной и бытовой деятельности.

2. Древнейшая физическая культура имела внутри себя слабо расчлененный, неструктурированный характер, который заложил её последующую гетерогенность, внутреннюю неоднородность, развивающуюся как единство и борьба близкородственных однокоренных, но всё-таки различающихся между собой социально-культурных образований. Древнейшей протокультурной «клеточкой», архаическим зародышевым «ядром» физической культуры выступала древнейшая социальная форма единоборческого поединка.

3. Закономерно перерождаясь и многократно тиражируясь в условиях раннеклассового общества, архаичная единоборческая форма породила свои производные социальные формы (в частности, единоборческую форму «божьего суда»), которые, несмотря на неизбежное для того исторического времени религиозно-культовое обрамление, изначально имели относительную автономность от последнего. Более того, со временем разрыв между культурой единоборств и религиозным культом всё больше и больше расширялся и углублялся как вследствие их исходной ориентации на разные личностно-общественные функции и задачи, так и в связи со становлением, с одной стороны, самого социального института единоборств, с другой – мировых религий и социального института церкви.

4. На определённом этапе развития института единоборств, связанном с появлением воинских сообществ (генераций), он начинает служить основанием и механизмом становления другого социального института в области физической культуры, а именно института физического воспитания (точнее, военно-физического воспитания). Несмотря на свою первоначально тесную смычку, связь с религиозно-культовым элементом, по мере нарастания секуляризации общественной жизни в целом, по мере распространения влияния систем физического воспитания на всё более широкие слои населения, – институт физического воспитания начинает относиться к религиозной культуре и институту церкви всё более формально, поверхностно. Одновременно он всё сильнее способствует социокультурному вырождению или перерождению единоборств.

Периодические рецидивы религиозного влияния в системах физического воспитания вызваны и объясняются не его собственной социальной природой, а усиленной политизацией в условиях обострения социально-классовых и межнациональных противоречий. Одним из механизмов политизации физического воспитания выступает его адаптация к спорту, или спортизация.

5. Древняя агональная (игровая) и спортивная (развлекательная) практика первоначально выступала системным религиозным ритуальнообрядовым действием, в основе которого было

заложено спортивное соревнование – особая форма состязательности, характерная для религиозно-культовой жизни народов Средиземноморья.

Расцвет этой формы в эпоху Античности происходил на уровне её связи с племенными и национальными религиозными культами, в том числе греков и римлян, отличавшимися предельно (для религии) гражданско-секуляризованным социальным бытием. Поэтому, с одной стороны, древняя агонально-спортивная традиция послужила культурно-цивилизационным «заслоном» от более архаичных и антигуманных религиозных культов, с другой – породила свою, основанную на финансово-экономическом могуществе и ориентированную на активную социально-классовую борьбу, светскую ипостась – «феномен атлетизма».

В современном спорте, Олимпийских играх, в связанных с ними социальных движениях наращивание религиозного влияния имеет множественное фактическое проявление. Объяснения данной тенденции следует искать в области религиозно-политического анализа спорта как социального института, в выявлении связи современного спорта с современной политикой.

6. Религиозно-политический фокус (подход) к исследованию социальной сущности и онтологических оснований существования спорта проявляет усиливающийся антагонизм социально-институционального оформления и социально-культурного содержания спорта (спортивной деятельности), фиксируемый уже на формально-логическом уровне. Этот антагонизм фиксируется в зоне соотношения понятий «социальный институт спорта» и «внутреннее игровое искусство спорта». Разрешается данное антагонистическое противоречие в области, отражаемой понятием «спортивное управление».

7. На уровне сущностно-содержательного анализа обнаруживается скрытая двойственность спорта:

- с одной стороны, как поля формирования и реализации человеческой телесности, спортивной зрелищной культуры, выступающих механизмом воспроизводства социокультурных традиций и принципов конкретного, реального гуманизма;

- с другой стороны, как институционального цивилизованного и цивилизационного механизма абстрактного, мифологического гуманизма, формально идеологически поддерживающего, а фактически подавляющего, подменяющего социокультурное, конкретно-гуманистическое ядро спорта.

Сравнительный анализ сходных (по социально-генетическим основаниям и по иллюзорно-компенсаторному функционалу) институтов спорта и церкви доказывает их подобие не только по многим аспектам религиозно-политического характера, но и по логике институциональной политическо-экономической эволюции.

8. Логическая строгость построения аналогии требует выделения некой общей закономерности, объясняющей существование сходных черт у институтов спорта и церкви, что, в свою очередь, на уровне социально-философского анализа не представляется возможным без обращения к соответствующей фундаментальной теории, в роли которой по ряду причин способна выступить теория отчуждения. Применение теории отчуждения заставляет взглянуть на спорт как на «айсберг», имеющий ещё и громадную (по объёму и влиянию) невидимую часть, раскрывающую суть спорта как специфической экономической формы (вида) производства капитала, товаров и услуг, концентрированным выражением которой выступает национальная и международная спортивная политика.

В данной точке исследования возникает закономерный вопрос о степени отражения спортивно-институциональной линии процесса отчуждения в традиционно позиционируемых философско-теоретических основаниях (источниках) спортивной науки.

9. Анализ социально-политических и философско-идеологических составляющих итальянского гуманизма (его философских предтеч и последующего концептуального оформления), самого по себе и как теоретико-мировоззренческого основания современного спорта, –

показывает явно выраженную религиозно-политическую подоплёку данного движения и оформляющей его идеологии, основанных на принципе «двойного стандарта».

В спорте этот принцип реализован в диалектике противоречивого сосуществования конкретного (реального, деятельностно-организационного) и абстрактного (иллюзорно-морализаторского, политико-административного гуманизма).

10. Формально-содержательный анализ работы Йохана Хёйзинги «Человек играющий» способен привести к парадоксальному для данного основоположника игровой теории культуры выводу о том, что игра не старше труда и религиозного культа, а наоборот, выступает их конкретно-историческим продуктом и результатом.

Вместе с тем подобный подход объясняет противоречивое отношение самого Й. Хёйзинги к современному спорту, коммерциализированному и политизированному, превращенному в разновидность (характерного для капиталистического общества) труда, отрицающего витальность заложенного в спорте игрового начала.

11. Стремление Пьера де Кубертена к мифологизации и ритуализации олимпийских процедур, превращению созданного им неоолимпизма в новую «религию атлетов» в контексте общего пафоса философско-педагогического проекта Олимпийских игр объясняется борьбой великого педагога с попытками и тенденциями превращения Игр в новую международную разновидность коммерческой и политической спортивной организации. Трагедия Пьера де Кубертена вызвана поражением его идеологических гуманистических построений перед лицом нарастающей капитализации спорта и Олимпийских игр.

12. Вторым шагом философско-контекстуального анализа степени выраженности проблемы отчуждения в спорте выступает фокусированное исследование определяющих тенденций в мировой и отечественной традиции философии спорта, которая показывает, что:

- в структурированной организации философии спорта до сих пор преобладал самый внешний, трансцендентальный по отношению к спортивному процессу и спортивной науке уровень рефлексии;

- на фоне других, более востребованных западной философией спорта, философских теоретико-методологических направлений так называемая неомарксистская философия, по некоторым авторитетным оценкам, представлена слабо и, кроме того, уклоняясь от онтологии и гносеологии спорта, локализует своё внимание на его этико-эстетических основаниях;

- проблема отчуждения в философии спорта представлена довольно широко, но либо формально опровергается, либо не интерпретируется глобально, хотя и в том и в другом случае фактически и фактологически в философской аргументации проявляется обратная тенденция, заставляя предположить, что верное позиционирование данной проблемы есть лишь вопрос правильной научно-философской интерпретации;

- общий, фокусированный по теме исследования обзор литературы по философии спорта обосновывает необходимость разработки научно-философского гипотетико-дедуктивного теоретического проекта, без которого на уровень отражения социально-онтологической сущности и основных закономерностей существования спорта выйти не представляется возможным. Идеальным объектом подобной теории, по логике, должен стать сам спорт как социальный феномен, рассматриваемый через свою наиболее сущностную характеристику.

13. Для сущностной идентификации спорта по ряду причин недостаточно уже широко используемых разнообразных атрибутивных, или генетических, или родовидовых определений. Социально-философская гипотетико-дедуктивная идентификация спорта требует формулировки его сущностно-содержательного определения, соотносимого с моделированием спорта не по его видам и направлениям, а по заложенным в этих моделях социальным стратегиям, схемам проявления и реализации социального всеобщего.

14. В своей сущностно-содержательной основе спорт перестает эмпирически восприниматься как соревновательная деятельность, механизм её подготовки и реализации, а мыслится как специфическая условно-игровая форма состязательности, предполагающая политизированное использование типичных национально-религиозных и светских телесно-двигательных состязательно-соревновательных обрядово-ритуальных комплексов. Эти комплексы, в свою очередь, прежде всего в интересах финансово-экономической и политической элиты иллюзорно-компенсаторно оформляют и в меру этого искажают, трансформируют (спортизируют) социальную сущность видового разнообразия более древних и общих телесно-двигательных социокультурных институтов, таких как единоборство и физическое воспитание. Спорт выступает цивилизационным и цивилизующим оформлением указанных социокультурных трансформаций, – оформлением, максимально подготовленным к использованию в качестве одного из успешных современных механизмов и институтов социального отчуждения.

Глава первая. Генезис и современное существование спорта

1.1. Историческое и логическое в эволюции спорта

Общая концепция исследования

Исследование спорта в фокусе основных проблем, конституирующих предмет социальной философии, может быть очень широким и разнообразным, соотносимым с многоуровневой организацией самого философского знания. Даже «в первом приближении» потенциальный спектр направлений социально-философского исследования спорта представляется принципиально более разноплановым, чем, к примеру, анализ спортивно-соревновательной деятельности как субстанциональной основы образа жизни и культурного общения основных агентов спортивного процесса и формирующихся на его основе специфических социальных отношений.

Избрание онтологической линии заставляет взглянуть на спорт как на сложный развивающийся онтологический объект, реально существующую подсистемную часть социальной реальности в единстве её статических и динамических характеристик. Совершенно очевидно, что при таком подходе предметообразующим проблемным полем социальной философии спорта выступает сущность и существование данной сферы социальной реальности. Сферы, где социальное всеобщее находит своё всё более полное и завершённое, хотя и специфическое, проявление. Где упомянутая специфика отношений и деятельности выражается в законах и закономерностях организации, процессуального развертывания поливидовой, многоуровневой, разнополюсной спортивной культуры, начиная от её предполагаемого возникновения в антропосоциогенезе, в древнейшей и древней истории человечества, и до её современного цивилизационного бытия.

Между тем, если рассматривать спорт не как локальную или региональную культуру, а как набирающее общественно-политическую силу и вес глобальное культурно-цивилизационное образование, то следует вспомнить об относительно небольшой (около двух веков) продолжительности существования современного спорта. Этой оговорки вполне достаточно, чтобы понять причины до сих пор доминирующей эмпиричности и описательности большинства научных исследований спорта. Однако мы знаем немало случаев, когда нечто, на эмпирическом уровне кажущееся сущностно-содержательным, на уровне теоретического анализа оказывается лишь феноменально-формальным. Поэтому, «ставя во главу угла» возможность социально-философского рассмотрения сущности и существования спорта, пристало рассуждать о необходимости его научно-философского теоретического анализа. В основе подобного исследования, соответственно, должна размещаться сумма, последовательность взаимоувязанных тезисов, концептуальная конструкция, которая в нашем случае имеет следующий вид.

1. Большинство существующих определений, а следовательно, и концепций спорта построены на эмпирической базе. В силу этого они формально-описательны, т. е. на относительно поверхностном уровне фиксируют лишь форму, общую для всех (или огромного большинства) организуемых и проводимых спортивных мероприятий. При этом в стороне остается анализ сущности спорта, хотя определенные прорывы к истинному знанию о сокровенном (внутреннем, имманентном), разумеется, имеют место и на эмпирическом уровне.

Другой вопрос – насколько полно и глубоко эти прорывы реализуются, что без теоретического конструирования, как нам известно, обеспечить невозможно. В свете сказанного спортивное соревнование не может при теоретическом рассмотрении позиционироваться в качестве сущностной (тем более, системообразующей) характеристики спорта, хотя и выступает в эмпирических исследованиях атрибутивным, неотъемлемым признаком, главной целью, результатом и, одновременно, отправной точкой всей спортивно-тренировочной подготовки и учебно-образовательной спортивной деятельности.

2. Истинная (глубинная, достоверно определенная) сущность спорта заключается в его социальной природе и в специфически проявляемой социальной всеобщности, что представлено как единство борющихся между собой разновидностей комплексных религиозно-светских обрядов и ритуалов (традиций) в контексте их политического продвижения и позиционирования. Причём приходится констатировать, что в ходе исторического развития данное диалектическое единство агонально-спортивных традиций претерпело несколько качественных изменений, связанных с частичной диффузией и вызванной этим процессом взаимной подменой греческой и римской, языческой и христианской, западной и восточной, культурной и цивилизационной составляющих спорта.

3. Спорт в своей древнейшей и древней ипостасях, как развивающаяся поликультурная (сперва локальная, затем региональная) социально-институциональная модель, изначально не был ни первопричинной (субстанциональной), ни самодостаточной формой.

Скорее можно сказать, что он формально и содержательно подпитывался, религиозно и политически оформлялся, базируясь на более древней и более широкой (общей) культурной подоснове. Такой антропосоциогенетической подосновой для спорта могла служить культура единоборств. Все первоначальные гимнастические, атлетические виды греческих игр – агонов, римских спортивных состязаний выступали целостными или фрагментарными, простыми или сложными, однородными или комплексными, личными или командными разновидностями единоборческой деятельности. В дальнейшем связь спорта с единоборствами сохранилась. Интересно, что такая ситуация во многом сохранилась и в последующие эпохи. Ядром спорта становились и известные гимнастические, а также игровые системы, создаваемые в сфере физического воспитания. Например, средневековую игру «в суль» (прообраз современного футбола) есть веские основания рассматривать как систему упражнений по «боевому слаживанию» команд-отрядов городских цехов с целью оказания отпора бродячим отрядам рыцарей, сборщикам налогов, в том числе и выступавшим от лица высшей светской и религиозной власти. Вот обстоятельство, послужившее истинной причиной неоднократного отлучения сообщества игроков «в суль» от Церкви и объявления их вне закона.

4. В Новой и Новейшей истории ситуация взаимоотношений между спортом и единоборствами, спортом и физическим воспитанием изменилась коренным образом. Получив импульс глобального развития и связанную с таким развитием относительную самодостаточность, современный спорт (уже в свою очередь) выступает для единоборств и для физического воспитания фундаментальной сферой, областью адаптации, встраивания, приобщения к социокультурной, цивилизационной тотальности. Механизмом такого приобщения (адаптации) можно рассматривать: локально – спортогенез определённых этно-национальных единоборческих культур; а глобально – последовательную спортизацию всей объединённой единоборческой культуры в целом. Физическое воспитание в современных условиях вообще имеет тенденцию растворения в спорте.

5. Однако существует (всё больше усиливается) и обратная тенденция: в ряде видов спорта формируются направления внеспортивного единоборства и физического воспитания, сознательно выходящие за рамки спорта, ищущие иные неспортивные формы состязательности. Такая тенденция характерна для служебно-прикладного единоборства, силовых,

сложнокоординационных, игровых, экстремальных, гуманизированных, адаптированных к фитнесу видов, дисциплин, программ и проектов.

6. Теоретически исследуя сущность и существование спорта, необходимо учитывать, как минимум, два аспекта:

– степень, полноту, своеобразие воплощения в спорте изменяющегося социального всеобщего, направляющего культурно-цивилизационное развитие спорта как социального института;

– диалектику взаимодействия культуры спорта, культуры физического воспитания и культуры единоборств, приносящих в спорт не только свои направления и виды, но и сам дух, образ, философию личности, вступившей на путь бескомпромиссного достижения, преодоления, развития и социального служения.

Впрочем, философия единоборств и воинских искусств – это уже тема, выходящая за рамки предметного рассмотрения.

7. Спорт с древних времён и до наших дней по своей внутренней социокультурной сущности, скрытой и недоступной на уровне эмпирического анализа, а во многом и по своему содержанию, выступает религиозно-светским политическим оформлением, трансформацией, культурно-цивилизационным замещением культуры физического воспитания и культуры единоборств.

Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно-государственных институтов

Спорт в контексте возникновения и эволюции церковно-государственных институтов – тема, которую «по умолчанию» или по какой-либо иной причине, связанной с отсутствием четко выраженного социального заказа, ещё практически не поднимали, по крайней мере, не поднимали в развернутом концептуальном виде. Мы попытаемся в некоторой степени восполнить данный пробел, основываясь на фактах мощной детерминации современного спорта со стороны государства и церкви, позволяющих, как минимум, предположить наличие подобной детерминации на всем протяжении развития социального института спорта. В предельной же степени спорт в его античных – агональной (греческой) и колизеальной (римской) – традициях вполне можно рассматривать в качестве сначала племенного, а затем и национального религиозного комплекса, получившего приоритетное развитие в эпоху Античности.

В связи с этим приобретает безусловную актуальность подробный и конкретный анализ последовательных стадий политического развития различных религиозных комплексов или религиозного комплекса как феномена человеческой истории вообще, который по мере своего выделения из первоначально общей и нерасчлененной родовой жизни всё более четко социально-классово определялся и политически формализовывался.

Становление религиозного комплекса подразумевало два взаимосвязанных процесса.

Во-первых, первоначально вырастая из неразвитой, примитивной производственно-бытовой целостности рода, область религиозной жизни постепенно превращалась в относительно самостоятельную сторону социального бытия, существующую наряду с хозяйственной, политической, иными областями социальной практики. Очевидно, религиозная составляющая всё глубже проникала в эти области общественной жизни как сила, трансформирующая, адаптирующая их под себя.

Во-вторых, развиваясь, совершенствуясь, религиозная власть всё больше отчуждалась от рядовых родовичей, неуклонно становясь самостоятельным от них, но управляющим ими институтом власти привилегированных социальных групп. Рассматривая данный процесс, следует учитывать, что всё более сложные формы политизации всё более совершен-

ного религиозного комплекса возникают в контексте становления государства как социального института в виде более или менее выделенной, относительно обособленной его части. Должно было пройти много времени, пока появились и укрепились формы, начавшие отпочковываться от государства, превращаясь для последнего в политического партнёра или в политического соперника.

Основываясь на многочисленных источниках историко-этнографического сравнительного анализа родового устройства, в частности греков и римлян, можно утверждать следующее. Род как исторически первичное общественное устройство имел общую культовую, религиозную жизнь, которая, во-первых, осуществлялась всеми полноправными (подчёркнём – полноправными, то есть взрослыми) членами рода; во-вторых, представляла собой область, ещё слабо выделенную из общего комплекса жизнедеятельности родовых учреждений. Например, польский исследователь Л. Винничук писал, что на ранних этапах развития своего этноса (этносов) греки не имели выделенного жреческого сословия. «Каждый гражданин полиса мог исполнять религиозные функции, совершать обряды, приносить жертвы богам, возносить молитвы» [Винничук Л., 1988; с. 333]. Разделяли данную точку зрения и советские историки, отмечавшие: «Первобытные формы религии заключают в себе не только фантастические представления, но и культовую практику (совершение религиозных церемоний), которая не составляла тайны и была доступна каждому» [Редер Д.Г., Черкасова Е.А., 1985; с. 98].

Эта культовая практика заключалась в обязательном наличии общего места погребения, общих религиозных празднеств и родовых святынь, как правило, связанных с почитанием предков-основателей рода и хранителей его обычаев и традиций. При тотемизме – одной из наиболее ранних религиозных форм, характерной для раннеродовых охотничьих общин, почитались мифологические зооантропоморфные тотемистические предки. Эти мифологические персонажи использовались в обрядах посвящения молодежи в полноправные члены рода, приобщая к общественно-родовому единству, к его общим святыням. Примером таких родовых святынь являются, в частности, известные науке австралийские чуринги, которые «считаются священным достоянием группы» и тщательно прячутся, охраняются от посторонних [Токарев С.А., 1986; с. 48]. Здесь религиозное единство выступало как оформление неотчужденной общественной собственности рода, по поводу чего С.А. Токарев писал, что тотемистические мифы «составляют как бы священную историю рода, историю его происхождения, служат идеологическим обоснованием прав рода и племени на свою землю» [там же, с. 47–48].

Принципиально важно уточнить, что при тотемизме ещё не было храмов или святилищ, были только их зародышевые формы в виде естественных тайников, типа хранилища чурингов; ещё не было жречества, а в роли исполнителей религиозных обрядов выступали наиболее почитаемые предводители тотемных групп.

Эпоха разложения общинно-родового строя пополняется новыми религиозными формами: индивидуальным тотемизмом, шаманизмом, культом предков. Закладываются примитивные святилища, куда переносятся и где фиксируются места проведения обрядов. Здесь же закладывается институт жречества, хотя первоначально функции отправителей религиозных обрядов и ритуалов исполняют выборные всем родом вожди и старейшины, например греческие басилеи и римские рексы. Причём в данном случае можно говорить об общей закономерности, характерной для самых различных по континентальной и исторической временной принадлежности этносов [Тайлор Э.Б., 1989; с. 459].

В указанном контексте наиболее рельефным и переходным является культ предков, заметим, распространённый и у земледельческих и у скотоводческих родоплеменных сообществ, какими выступали греческие и римские этносы и у которых (как и у других народов) в этот период постепенно оформляется и спланивается вокруг вождей (царей) и уже появив-

шихся профессиональных священнослужителей слой имущественно и социально выделенных родовичей. Сплочение это происходит в форме тайных религиозно-магических союзов, которые со временем подменяют первоначальную демократию религиозной жизни. Так у греческой фратрии и у римской курии появляется выделенная, обособленная, политически значимая постоянная основа культовой практики, базирующаяся на святилищах (далее на храмах), профессиональном жречестве и тайных (сперва религиозно-магических, а затем военно-религиозных) союзах.

«Переход к отцовскому праву, – писал Ф. Энгельс, – благоприятствует, как в Греции и Риме, постепенному превращению выборного начала в наследственное право и тем самым возникновению знатной семьи в каждом роде» [Энгельс Ф., Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С.142]. Это объяснение во многом «проливает свет» в том числе и на процесс постепенного закрепления религиозно-культовых должностей за отдельными аристократическими семьями в контексте развития ранних религиозно-политических синтетических форм.

Дальнейшее усиление указанные тенденции получают в племенном культе вождей, превратившемся в государственный культ обожествления царских династий, например, династий «гераклидов» – двух ветвей спартанских царей, якобы ведущих свой род от легендарного Геракла. Интересно, что параллельно с локализацией религиозно-политической власти происходит и децентрализация этой власти. К примеру, одних только храмов Зевса имелось около двух десятков.

Кстати, мы не случайно приводим именно эти примеры, показывающие, как в действительности формировался олимпийский агональный культ. А закономерный переход, распространение культа почитания предков вождей, царей – на самих царей (императоров) прекрасно объясняет вектор эволюции греческой агонистики в сторону её римско-имперского варианта, при котором в Антиохийском олимпийском культе почитались уже не столько Зевс и Геракл, сколько римский император и его высшие сановники-меценаты.

«Рядом со священными вождями стояли собственно жрецы. Профессиональные служители культа выделялись... в обособленную общественную группу» [Токарев С.А., 1986; с. 85]. Рост политического веса этой группы основывался прежде всего на росте накапливаемого ею богатства и легитимной возможности использовать это богатство в различного рода торгово-финансовых сделках, что хорошо объясняет причину появления группы агонально-спортивных жрецов-судей и усиливающегося могущества агонально-спортивных культовых святилищ и храмов.

Храм являлся более поздней и сложной (по сравнению со святилищем) религиозно-политической формой. Он «представлял собой как бы юридическое лицо: владел имуществом, землей, иногда даже с прикрепленным к нему населением, рабами» [там же, с. 151]. Не объясняет ли это, хотя бы отчасти, появление греческих гимнасиев и римских «лудусов», в которых уже не на периодической и временной, а на регулярной и постоянной основе готовили профессиональных спортсменов – свободных и рабов? Ведь известно, что и агональные культовые центры и спортивные арены коллизеального типа процветали, как минимум, не только за счёт общинных и аристократических пожертвований, но имели собственный и ссудный и человеческий капитал.

Кроме того, должна была существовать причина и механизм, реализующий эту причину (основание), благодаря которым:

- патриархальные деревенские религиозно-культовые праздники у древних греков превратились в общегреческий олимпийский культ (кстати, далеко не единственный в своем роде);

- не менее патриархальные и местечковые римские погребальные обряды с массовой резней пленных уступили место профессиональным центрам состязательных развлечений, то есть спортивным аренам.

Иначе, как ростом экономического и политического могущества и влияния специализированных общеплеменных и межплеменных религиозных культовых центров, типа храма Аполлона в Дельфах, или храма Зевса в Олимпии, или культа обожествления римских императоров в Антиохии, все указанные выше метаморфозы объяснить трудно.

Дальнейшее разрастание и углубление процессов централизации религиозно-политического управления и, соответственно, отчуждения культовой практики закономерно приводит в итоге к краху античных агонально-спортивных форм и институтов, возникших на основе и в ходе разрушения общей религиозной жизни греков и римлян. Именно это обстоятельство следует полагать главным, в частности при рассмотрении вопроса о причинах политического, юридического, религиозного или социального отмирания древних Олимпийских игр, а за ними и древних спортивно-колизеальных традиций.

На смену отчужденным религиозно-политическим формам Древнего мира пришли ещё не отчуждённые, а характеризовавшиеся в тот период исторического времени относительным единством и всеобщностью религиозно-культовой жизни иные – христианские – культовые практики, которым, в свою очередь, ещё суждено было встать на путь отчуждения и породить религиозно-политический институт церкви. Соответственно, на этапе становления феодальных отношений объективно уже не могло быть места для агонально-спортивной традиции, воплощенной в деятельности её храмового жречества.

Известно, что в силу ряда причин Христианская церковь являла собой религиозно-политическую форму совершенно иного порядка, нежели античные святилища или храмы. В отличие от античного мира, где было ещё достаточно трудно четко отделить религиозное от светского, политическую власть от власти религиозной, где одни и те же организации, а иногда и люди, представляли одновременно и государство и религиозный культ, в средневековом обществе подобных трудностей не существовало: демаркация была предельно четкой, хотя и вариабельной. Церковь либо подчиняла себе государство, либо жестоко конкурировала с ним, выражая дух эпохи тотальной религиозности.

Однако преемственность между греко-римской и средневековой физической культурой всё же существовала. Областью преемственности выступало физическое воспитание, точнее, военно-физическое воспитание, которое ещё в эпоху Военной демократии отчасти (но лишь отчасти) было сбалансировано с религиозным культом, прокладывая с ним общий курс в социальной политике, направленной на войну с соседями. Не мешал, а наоборот, усиливал указанную преемственность, сохраняющийся принцип набора военных сил по территориальному признаку, некогда существовавший ещё в греческих навклариях и римских центуриях (центуриях).

Несмотря на проповедь христианского смирения и миролюбия, средневековая церковь поддерживала агрессивный внешнеполитический курс феодальных государств и княжеств, не уступая в этом греческому культу бога войны Ареса или соответствующему римскому культу бога Марса. Существенное отличие античного физического воспитания от феодального, правда, иногда видят в чётко выраженном классово ограниченном характере последнего. Но если вдуматься, то греческое ополчение имело не менее классово ограниченный характер, лишь формально декларируя свою всеобщность, а на деле осуществляя набор только из числа свободных граждан определенного греческого полиса, иначе говоря, из числа аристократических родов. То же самое обстоятельство отражается и в плебейско-патрицианском противостоянии в Риме времён царских династий, а отчасти и республиканского периода.

Единоборства как фактор развития спорта

Единоборства – один из самых древних и универсальных институтов, когда-либо порожденных физической культурой Человечества. Первоначальное значение единоборств в антропосоциогенезе трудно переоценить, поскольку единоборства как протоединоборства были включены в единый и слабо внутри себя расчлененный социокультурный конгломерат древнейшего общества, то есть являлись неотъемлемой его частью, связанной неразрывными узами с другими проточастями, из которых впоследствии выкристаллизовывались социальная и политическая организация, религия, искусство. Вполне возможно, что единоборства были старше института физического воспитания, поскольку в процесс институционализации, то есть легитимизации существовавшей общественной традиции первыми вступили осознавшие своё превосходство и выделенность из первобытного сообщества вожди, совмещавшие также функции и статусные роли старших отцов, отправителей и распорядителей обрядово-культовой практики и т. д. Именно в их лице изначально начинают формироваться институты государственной власти наряду с институциональным оформлением мест захоронений (в последующем – капищ, святилищ, храмов, церкви), явившихся продолжением и развитием раннерелигиозных анимистических, фетишистских, магических, тотемистических и иных верований.

Конечно же, единоборческая практика и практика физического воспитания частично совпадали, пересекались, иначе их нельзя было бы рассматривать в качестве составных частей физической культуры. Однако в отличие от института физического воспитания, носившего если не общий, то уж точно ориентированно групповой характер, культура и институт единоборств были сугубо индивидуально ориентированы, то есть настроены не на групповую, общественную, командную, военную, охотничью, иную полезную работу, а на личное противостояние вождя его индивидуальному противнику, угрожающему, посягающему на жизнь вождя, в той или иной степени оспаривающему его властные прерогативы, бросающему вождю личный вызов.

В древнейшей и древней истории Запада и Востока (независимо от континентальной привязки последнего) единоборства представляли собой индивидуальный единоличный или парный поединок, как правило, равного с равным или с претендующим на статус равного. Причём противником далеко не всегда являлся человек. Им мог быть и крупный опасный зверь (лев, тигр, леопард, слон, бегемот, крокодил) или иное существо, в тело которого примитивное сознание мифологически помещало божественную, сверхъестественную, враждебную первобытной общине, роду, племени, лично вождю сущность.

Если рассматривать данный вопрос более детально, но при этом концептуально, то становится ясно, что культура единоборств Запада и культура единоборств Востока довольно значительно между собой различались. На Востоке акцент делался фактически на первую часть слова «единоборства», то есть единоборствами занимались как одним из способов, методов персонального самосовершенствования. Единоборства воспринимались в качестве искусства как путь длительного поэтапного достижения, прежде всего за счёт самопреодоления, победы над своей частичной и временной недостаточностью и неспособностью. На Западе единоборствами занимались как индивидуально ориентированными комплексами приемов, необходимость освоения которых обуславливалась желанием победить в парном бою, в схватке или ином личном противостоянии одновременно с одним единственным противником.

Таким образом, в общем и целом единоборства целесообразно определять как проходящий на биосоматическом, психофизическом и интеллектуально-духовном уровнях условный или реальный, единоличный или парный поединок до условной или безусловной

победы над противником (соперником) путем нанесения ему необходимого ущерба, урона. Также единоборствами называются системы подготовки и ведения указанного поединка.

«Естественная» классификация единоборств, обязанная отражать этапы их исторической эволюции, включает четыре основные единоборческие типа: религиозно-магические протоединоборства, религиозно-боевые или военно-религиозные единоборства, народные (празднично-оборонческие) единоборства и, наконец, единоборства физкультурно-спортивные.

Несмотря на факт сосуществования в современном обществе всех четырех указанных типов единоборческой традиции, их различная социально-классовая, даже формационная соотнесенность совершенно очевидна. Общая динамика развития единоборств в человеческой истории отображает направленность на увеличение социальной базы. Иными словами, отходя от древнейшей и древней исключительной принадлежности образу жизни воинов и жрецов, единоборства постепенно становятся делом выдающихся представителей широких (в том числе, непривилегированных) социальных слоев, а на стадии физкультурно-спортивных единоборств вообще превращаются в предельно широко социально практикуемую норму жизнедеятельности, распространенную даже среди многих, отнюдь не выдающихся представителей современного общества.

Более того, занятия единоборствами (как норма) постепенно вытесняют само единоборство, то есть сам акт единоборства всё больше и больше подменяется подготовкой к нему, обеспечивая адаптацию единоборств к содержательному наполнению и смыслу деятельности в области физического воспитания и в области спорта. В области физического воспитания (и в школьной, образовательной практике его функционирования) указанный процесс длится: с древних времён в Индии, Китае и других восточных странах; в период с начала и до конца XX в. – на Западе и в России. В области спорта соответствующая адаптация имеет место: на Западе – с первой четверти XX в.; в России (активно и массово) – со второй половины, точнее, с 70-х годов XX в.; на Востоке – с конца XX в.

Таким образом, для единоборств XX в. имеет значение период фатальной институциональной перестройки и глобалистического вrastания в другие институты мировой физической культуры. Однако все необходимые, предшествующие такой перестройке подготовительные процессы были завершены уже задолго до XX столетия.

Действительно, религиозно-магические протоединоборства, свойственные доклассовому и раннеклассовому обществу, уступили место религиозно-боевым или военно-религиозным единоборствам в связи с социальным и экономическим расслоением родовых общин и становлением родо-племенного сообщества, а также в связи с ограничением и частичной сменой мифологического типа мировоззрения как базового.

Уход в историческое прошлое религиозно-боевых единоборств (расцвет которых приходился на этапы развития рабовладельческого и феодального строя) связан с тремя основными процессами. Во-первых, с процессом депрофессионализации феодальных дружин, начиная с XVII в. неуклонно уступавших в войнах и боях против более технологически совершенного противника, вооруженного огнестрельным и бомбометательным оружием. Во-вторых, с процессом секуляризации общественной жизни в целом, перестраивавшейся на новую буржуазную идеологию и, соответственно, на иной (по сравнению с религиозным или философским) тип мировоззрения. Имеется в виду, естественно, перенесение акцента на научное мировоззрение как набирающая разгон системная тенденция. Третьим основополагающим процессом, обусловившим уход с исторической арены военно-религиозных единоборств, явился процесс нарастающего сопротивления господствующим классам и поддерживающим их религиям со стороны подчиненных, угнетаемых классов и иных социальных сил, ориентированных на новые, более глобалистические религии или, наоборот, на старые общинно-родовые культы. В рамках этого процесса формируются и постепенно професси-

анализируются народные (празднично-оборонческие) системы национальных единоборств, хотя и не имевших самостоятельного этапного значения, но всё-таки сумевших внести свою лепту в развал господствовавших в то время религиозно-боевых единоборств.

На смену последним приходят многообразные, но типичные единоборческие виды, направления, формы переходного характера, внутренне готовые адаптироваться к физическому воспитанию западного образца и к спорту. С них и начинается этап развития физкультурно-спортивных единоборств. Именно здесь происходит демаркация между спортивными и так называемыми боевыми единоборствами или искусствами, утратившими связь со средневековыми воинскими сословиями и поколениями, во многом утратившими боевое предназначение или вообще его не имевшими по причине своей празднично-народной или ярмарочно-балаганной направленности. Однако указанный «водораздел» заслуживает отдельного внимания и рассмотрения.

Самыми древними из известных социальных форм единоборств, по свидетельствам подавляющего большинства исследователей, были так называемые «божьи суды» или «поединки справедливости», осуществляемые единоборцами от имени и под покровительством богов, бога, иных сверхъестественных существ и сил. Эта одна из самых ранних форм отправления правосудия (в виде единоборческого поединка) прослеживается далее во всей истории развития единоборческой культуры. Уже на её базе возникли производные формы «поединков славы» и «поединков чести», которые античными историками третиrowались как отвратительные проявления варварской необузданности, невежественности и дикости.

Тем не менее религиозная подоплека «божьих судов» и их последующих видоизменений заложила в основу единоборств принцип состязательности, весьма напоминающий организацию и проведение спортивных соревнований, рожденных иной религиозной культурой практикой, но также подразумевавших некий регламент, наличие судей, формальное равенство возможностей, например оружия или орудия соперников.

С другой стороны, единоборства, особенно длительная и кропотливая подготовка к ним, несмотря на индивидуальную траекторию этой подготовки, мало чем отличались от групповых, а тем более парных военно-физических упражнений, так что по внешним признакам единоборства походили на стандартные для физического воспитания тренировочные процедуры и комплексы.

Другое дело внутреннее, интеллектуально-духовное содержание единоборств, определяющее суть и направленность развития их биосоматической и психофизической составляющих, то ментальное ядро, которого и близко не было ни у спорта, ни у физического воспитания. Но постепенно, со временем это уникальное религиозно-философское ядро, ориентирующее единоборца на самосовершенствование до уровня бога (концепция по мощности мотивации личности, сравнимая в западной философии эпохи Возрождения лишь с гуманизмом Николая Кузанского), утрачивается. С выхолащиванием, примитивизацией секуляризованных и депрофессионализированных единоборств, идеология которых скатывается с уровня религиозно-философской глубины и завершенности обратно к уровню примитивной социальной мифологии, к обыденным житейским притчам и поучениям, происходит принципиальное изменение самого смысла единоборческой практики. Избавившись от своего философского ядра, единоборства потеряли внутренний духовный стержень – понимание и признание наивеличайшей миссии, какую только может нести личность – миссии достижения богоподобного совершенства. Мечта превратилась в рутину. Великое было заменено на мелочное. Истинная цель затуманилась и скрылась за иллюзорно-компенсаторными задачами. Акцент внимания был перенесен с внутреннего на внешнее, с сущностного на формальное, с содержательного на феноменальное.

Переходные единоборческие системы, всё ещё считавшие себя преемниками даосских и чань (дзэн) – буддистских наставников-мудрецов, в реальности перестали быть таковыми, хотя и тщились вместо этого изобрести некие псевдофилософские эквиваленты, создать собственную мифологию. Вышеизложенное касается всех наиболее известных в XIX–XX вв. школ боевых искусств и восточных единоборств:

- каратэ – переделанного (в угоду японскому эстетизму и ритуализму) боевого искусства окинавских мастеров, которое, в свою очередь, являлось лишь тенью духовно-психологической системы китайских бродячих монахов-воинов;

- дзюдо – представлявшего собой целенаправленно коммерциализированный проект перестройки джиу-джицу, которое к тому времени уже само по себе во многом являлось балаганно-ярмарочным искусством;

- ниндзюцу – якобы возрожденное искусство тайных японских разведчиков и диверсантов, но возрожденное, главным образом, для голливудских фильмов и постановочных боев;

- ушу – превратившегося из сакрально-изотерической системы в боевое искусство, а затем в составную часть гражданско-бюрократического образования.

Добавим к перечисленным образцам тайские, корейские, вьетнамские и иные модели. Не забудем и оппозицию к ним – ремикс якобы возрождения европейских школ и стилей единоборств, но возрождения лишь неполной и незавершенной формы последних. Не говоря уже о том, что Запад так и не сумел вывести свои единоборства на уровень философских доктрин, на что в древней, средневековой и Новой истории Европы есть свои объективные причины и основания.

Главное другое – а именно то, что лишенную своего хозяина одежду, форму можно перекроить, переделать под любой замысел. К сожалению, это и произошло с социальным институтом единоборств: потеряв своего социального заказчика и самобытность, он растворился в физическом воспитании и в спорте. Правда, при этом он способствовал росту разнообразия и духовной глубины их направлений и видов.

На сегодняшний день, увы, трансформация единоборств, их преобразование уже в форме физического воспитания и спорта продолжается. Процессы дальнейшей коммерциализации, профессионализации, политизации единоборческой практики заставляют различные её виды, стили, направления покидать даже весьма широкие и в современных условиях довольно размытые рамки спорта, присущего ему регламента, частично или полностью разрывая отношения с характерной для спорта идеологией, подстраиваясь под изменяющуюся конъюнктуру потребительского общества. Западный мир превратился буквально в «кузницу» новых, всё более и более агрессивных стилей единоборства, для которых гуманизм не просто пустой звук, а принцип, с которым надлежит бороться как с досадной и никому не нужной помехой, якобы сдерживающей поступательное развитие единоборческой культуры.

В таких условиях даже «бои в клетке» и другие новомодные стили единоборства, выступающие чисто коммерческими проектами, лишь маскирующимися под современный спорт, не устраивают рынок развлечений своей, вдумавшись в эту фразу, «излишней гуманностью». Прогнозируются и уже создаются гораздо более агрессивные, сверхагрессивные стили боя сразу с несколькими противниками, схватки «два на два», «пятьдесят на пятьдесят». И это не спонтанное, случайное явление, не зигзаг развития: на все указанные проекты существуют заказчики, под них формируется целая субкультура, неформальное движение околоспортивных фанатов с их фирмами, массовыми драками, тотемистическими обрядами и древнекельтскими культами. Профессионализация и расширение социальной базы этой субкультуры, требующиеся для успешности выполнения возлагающихся на нее политических экстремистских и террористических задач, находят адекватное решение проблемы не в футболе или хоккее, к которым она относится чисто по формальному признаку. Реализа-

ция чайний организационных «ядер» субкультуры околоспортивных фанатов или «ультрас» намечается и проводится в сфере единоборств. Именно единоборства, по замыслу западных «кукловодов», призваны изнутри взорвать спорт или превратить его в политически дестабилизирующий фактор.

Наращивание околоспортивной агрессивности и экстремальности современных единоборств – это не единственное, хотя во многом и определяющее направление их развития. Помимо него, развиваются также военно-прикладные и эстетизированные единоборческие практики, заполняющие пустоту, образовавшуюся в процессе спортизации различных форм, направлений физического воспитания.

По тематике военно-прикладных единоборств нами единолично и в соавторстве было написано довольно много материалов, поэтому в данном случае лишь подчеркнём, что эту тему можно рассматривать диаметрально противоположно. С одной стороны, сама воинская, боевая практика предписывает требования к характеру, принципам, содержанию единоборств, прогнозируемо развертывающихся в определённых ситуациях и эпизодах боевого и оперативно-служебного противодействия. С другой стороны, в область современной военной подготовки проникают элементы и целые системы спортивных единоборств, навязывая свои установки и формируя условно-игровые иллюзорно-компенсаторные умения и навыки, не вполне соответствующие экстремальным условиям современного ведения боевых действий. Особенно вышеизложенное характерно для широко известных спортивных единоборств типа тхэквондо, дзюдо, самбо и прочих, имеющих собственные, так называемые боевые разделы или разделы боевого применения.

Эстетизация единоборческой практики выступает ещё одним направлением и способом выведения её за рамки спортивной деятельности. Подаётся всё это (и на самом деле существует) по-разному:

- как высокое искусство единоборств, практикуемое выдающимися и опытными мастерами, уже завершившими свою спортивную карьеру, но продолжающими участвовать в «ветеранских» соревнованиях;
- как продолжение и развитие культурной традиции различного рода воинских, религиозно-боевых, ритуальных танцев восточного и западного происхождения;
- наконец, как выделение и проведение особых соревнований по формальным комплексам упражнений и приемов единоборств, типа соревнований по «ката», «тулям», «пхумсе».

Используется (причём всё активнее и широко) единоборческая практика и в фитнесе, создавая отдельные фитнес-программы или участвуя в синтетических программных комплексах, объединяющих в себе разные области фитнес-услуг. Здесь находят разнообразное применение опять те самые известные виды спортивных единоборств, включая бокс и борьбу, популярные у «средних классов» и социальных групп, способных заплатить за свои тренировки с инструкторами фитнеса. Впрочем, по причине относительной молодости фитнес-центров как социального феномена, делать на их счёт какие-либо значимые и достоверные заключения ещё рано.

Изложенный выше материал дает общие представления об основных этапах процесса спортогенеза единоборств (термин был введён и концептуально обоснован автором в 2008 г.):

- универсальном этапе, на котором так называемые переходные формы, виды, направления единоборств вступают на путь адаптации, приспособления к спорту, выходя при этом на пиковые показатели численности своей социальной базы;
- этапе спортивной специализации, когда жесткая спортивная регламентация способствует сужению национальной социальной базы, причём весьма значительному, но когда

(параллельно с этим) резко увеличивается количество стран, практикующих данный вид спорта;

– военно-прикладном и эстетическом этапе, на котором ведущие мастера единоборств под давлением социального заказа либо чрезмерно расширяют сферу применения своего спортизированного единоборства, либо покидают сферу спорта в принципе.

1.2. Сфера физической культуры и спорта с древних времён до наших дней

Существование в современных условиях сферы физической культуры и спорта как особой, выделенной сферы общественной жизни является неоспоримым фактом. Общеизвестно, что она объединяет в себе различные, но во многом (в принципиальных моментах) сходные, подобные, типичные телесно-двигательные, даже более широко – психофизические системные практики, направленные на развитие и совершенствование качеств и способностей, на расширение диапазона функциональных кондиций, возможностей человека. Человек при этом рассматривается как обладающий разумом, интеллектом социально организованный представитель особого биологического вида.

Не вызывает также сомнений и тот факт, что сфера физической культуры и спорта внутри себя неоднородна, расчленена на составные части, конкурирующие или сотрудничающие друг с другом, когда это позволяют обстоятельства и социальная детерминация. Это означает возможность и закономерность их обоюдной диффузии, взаимопроникновения, пересечения, взаимоусиления (резонирования), частичного или полного (в определенные периоды) поглощения друг другом.

Кстати, по поводу социальной детерминации следует отметить закономерность постоянной (в крайнем случае, регулярной и частой) ориентации сферы физической культуры и спорта в целом и её составляющих, в частности, на ту или иную традиционно выделяемую область общественной жизни: экономическую, социальную, политическую, религиозную, философскую (в современном мире в большей степени научно-образовательную), художественную (имеется в виду искусство). Даже более конкретно, структурные компоненты сферы физической культуры и спорта ориентированы на те или иные структурные компоненты вышеперечисленных областей общественной жизнедеятельности.

В контексте изложенного следует обратить внимание на такие, несомненно, принадлежащие сфере физической культуры и спорта подсистемные образования, как физическое воспитание, физическое образование, физическая культура, спорт, единоборства, жесткие экстремально-прикладные практики, мягкие гуманистические игровые технологии, фитнес...

Незаконченность перечисления указывает на незавершенность процесса формирования и изменения состава подсистем рассматриваемой сферы. Однако, чтобы не запутаться далее в разношерстных и противоречивых формулировках и определениях, даваемых многими авторами, нам придется построить некую терминологическую классификацию, исходя из которой будет легко исторически более точно и конкретно дать рабочие, в том числе, генетические, родо-видовые, атрибутивные определения соответствующих понятий.

Физическая культура – особая часть общечеловеческой культуры, акцентирующая внимание на процессе формирования и использования системных психофизических практик, направленных на поддержание, развитие и расширение диапазона функциональных качеств, способностей, возможностей человека как социального агента (а «в снятом виде» как индивида – представителя своего биологического вида).

Физическая культура подразумевает три взаимосвязанных направления или области:

- воспитания (формирования аксиологической или ценностной шкалы, системы);
- обучения (формирования комплексов умений и навыков);
- образования (формирования и систематизации знания, в первую очередь о первых двух областях).

Как триада направлений (областей) психофизического функционирования физическая культура выступает одним из способов, механизмов, каналов социализации человека.

Вместе с тем исторически физическая культура в разное время и в разных географических регионах под влиянием своего конкретного социального контекста порождает несколько специфических социальных институтов: физического воспитания и образования, единоборств, спорта.

Институт физического воспитания и его учебно-образовательная ипостась, порожденная внедрением физического воспитания в программу школ и гимназий, в истории Человечества до самого последнего времени характеризовались универсальностью, то есть повсеместным распространением. Институт спорта характерен (по крайней мере, до XIX в.) лишь для физической культуры Запада. Институт единоборств, первоначально имевший универсальное значение, по определенным причинам в Новое время утратил это своё качество для Запада, а с середины XX в. постепенно утрачивает его и для Востока. Зато институт спорта в Новейшей истории «набирает обороты», развивается до такой степени, что начинает по праву претендовать уже даже не на главенствующее, а на монопольное лидирующее место в современной физической культуре.

Безусловной монополии спорта постоянно, хотя и в длительной перспективе безуспешно, угрожают с двух сторон. Жесткие экстремально-прикладные практики пытаются превысить сформированную в спорте норму экстремальности и атаковать существующую в спорте норму гуманизма. Мягкие гуманистические игровые технологии пытаются подправить спорт с другой стороны, полагая его норму экстремальности, наоборот, слишком высокой, а норму гуманизма, наоборот, слишком низкой. Крайности сходятся: и тех и других не устраивает спортивный соревновательный регламент, но по диаметрально противоположным причинам.

Отдельного рассмотрения требуют агональная (олимпийская) традиция и фитнес.

Так же, как и историю спорта, историю агональной традиции следует делить на древнюю и современную. При известной преемственности и спиралевидности диалектического развития древние агоны и спорт по сравнению с современными агонами и спортом (которые для удобства и по факту реального существования можно называть, применяя приставку «нео») имеют весьма существенные социальные, в широком смысле этого термина, различия.

В древности – агоны и спорт суть по-разному религиозно-политически оформленные, отдельные, первоначально противопоставляемые друг другу, позднее взаимоадаптированные, сближенные психофизические системные практики. В современных условиях, уже будучи светскими (хотя и не без религиозного оттенка) социальными институтами, неоспорт и неоолимпизм снова демонстрируют тенденцию не просто к сближению, а к теснейшему пересечению, объединению, но под генеральной эгидой спорта. Хотя с определенным допущением можно сказать, что неоолимпизм возникает в 1896 г. как гуманистический педагогический проект по созданию противопоставляемой неоспорту системы физического воспитания.

Что касается фитнеса, то (при всей ещё не до конца ясной перспективе его развития) он с определённых социальных (опять в широком смысле термина) позиций просматривается как некий ремикс утратившего (в современной ситуации всеобщей спортизации) своё былое значение физического воспитания.

Наконец, сам институт физического воспитания внутри себя на протяжении всей истории отличался крайним разнообразием, в частности, в Новое время и далее он сочетал в себе гимнастические и игровые системные образования. Однако по критерию социальной ориентации можно с основанием рассуждать о следующих направлениях, областях его развития:

- военно-физическое воспитание;
- гражданское физическое воспитание;
- педагогическое (школьное) физическое воспитание или физическое образование;

– эстетическое или эстетико-художественное физическое воспитание.

Из всех этих направлений ни одно не отличается особой однородностью. Например, гражданское физическое воспитание делится на:

- аристократическое;
- производственное (трудовое);
- рекреационное (досуговое);
- оздоровительно-профилактическое.

Возможно (даже очевидно), представленная классификация не являет собой образец системного или формально-логичного построения, а определения указанных понятий способны вызвать резкие нарекания. На это можно сказать следующее. Во-первых, мы руководствовались принципом: «О понятиях не спорят, а устанавливают их объем и содержание». Во-вторых, системно или бессистемно, но представленная классификация и вытекающие из нее терминологические определения отражают все этапы исторического движения мировой физической культуры.

Однако последний тезис требует очень солидного историко-логического обоснования, к которому мы и приступаем.

Физическая культура в государствах Древнего мира

Анализ становления и развития сферы физической культуры в государствах Древнего мира позволяет сделать вывод, во-первых, о параллельном сосуществовании военно-физического воспитания и религиозной психофизической, интеллектуально-духовной состязательности; во-вторых, о более раннем историческом обособлении физического воспитания от военного дела по сравнению с обособлением спорта от религиозного культа; в-третьих, о разнообразии форм древней состязательности, социально предрасположенных и потенциально способных влиться в спорт, но только не в древности, по причине их корневого религиозно-политического различия с античным обществом.

Помимо этого, собранные и систематизированные данные позволяют утверждать о достоверности ранее сделанных выводов о пересечении культуры единоборств с физическим воспитанием и древними формами состязательности, в которых впоследствии единоборства всё активнее растворяются, переставляя акцент с внутреннего содержания на внешнюю форму, с духовного на физическое. Причём любопытно отметить, что проявляются закономерности развития указанного процесса уже в древности, несмотря на то что традиционно, в научной литературе о подобном качественном кризисе единоборств принято рассуждать в ином историческом контексте, лишь касаясь вопроса о становлении капиталистического общества и системы мирового колониализма.

Составить общее представление о развитии физической культуры в древности, теоретически обобщить и концептуально реконструировать интересующие нас сведения позволяют различные источники, к которым относятся: древние произведения и книги, как правило, религиозно-культового назначения и содержания, хотя их часто и величают эпосом, гимнами, комментарием; статуэтки и различного рода рельефные изображения эпизодов состязаний или иных характерных телесно-двигательных практик; заметки древних (в основном греко-римских) историков; археологические находки специфического назначения, позволяющего причислять их к физкультурно-спортивным орудиям, оборудованию, амуниции. На основании исследований данных источников, в том числе изложенных в научной литературе, посвященной истории физической культуры и спорта, написано много монографий и учебников. Среди них в первую очередь следует отметить труды отечественных авторов Р.Д. Абиева, Б.Р. Голощапова, Н.С. Леонтьевой, Н.Ю. Мельниковой, В.Е. Петраковой, А.В. Трескина, Л.А. Финогеновой, большинство из которых являются учениками и продол-

жателями советской исторической школы. Одним из патриархов этой школы выступал выдающийся ученый В.В. Столбов.

В странах Древнего Востока физическая культура в основном развивалась в двух областях социальной практики: в военном деле и в семейном воспитании. Например, в Ассирии детей из привилегированных семей в 12-летнем возрасте уже брали на царскую службу, где до 20 лет они усиленно занимались военными и ориентированными на войну физическими упражнениями. Но уже с 3-летнего возраста в семье детей обучали верховой езде, метанию копья, переправе через водные препятствия, плаванию. В царском войске эти навыки доводились до совершенства, причём с учетом «принадлежности к тому или иному воинскому подразделению» [Петракова В.Е., Абиев Р.Д., 2010; с. 10].

Эти же авторы упоминают о неких состязаниях, проводимых в армейских частях. Возникает иллюзия, будто речь идет о военно-физическом воспитании, однако далее ситуация проясняется: «Как и во всем Древнем мире, большую роль в Ассирии играла религия. Одним из важнейших ритуальных обрядов, истоки которого восходят к глубокой древности, была битва царя со львом... Этот ритуал демонстрировал превосходство царя над подданными и подтверждал его право на власть. Схватка со львом требовала отличной физической подготовки, так что очевидно, что ассирийские цари уделяли большое внимание физическому развитию» [там же, с. 11].

В данном фрагменте допущено сразу несколько ошибок из-за не совсем верной интерпретации исторической фактологии. Во-первых, факт проведения войсковых состязаний означал не воинские упражнения, а регулярное проведение соответствующих религиозных ритуалов, укрепляющих дух армии, приверженность её бойцов индивидуальному тотемизму и культу царей. Во-вторых, сам факт ритуальной схватки царя со львом лишь подтверждает тотемистические корни указанных культов и их связь с древнейшими обрядами инициации, а отнюдь не свидетельствует в пользу физического воспитания как такового. В-третьих, в указанном примере мы имеем дело как раз с вариантом «растворения» религиозно-магических протоединоборств в религиозном состязательном культе, оценивая его по чисто формальному сходству со спортивной состязательностью.

Следующим объектом анализа выступает физическая культура Вавилона и Древней Персии периода правления династии Ахеменидов, о которых известно несколько больше благодаря записям Геродота, памятникам клинописи на глиняных табличках, терракотовым изображениям.

Для Вавилона и Персии были характерны такие виды физической культуры, как стрельба из лука, охота, верховая езда. Здесь же упоминаются кулачные единоборства и состязания на колесницах, которые, по непонятным для нас причинам, называются спортивными, да ещё и имевшими для «жителей Вавилона» «большое значение в повседневной жизни» [там же, с. 12]. О каких простых жителях Вавилона здесь может идти речь, если на колесницах в тот период, как и в государствах Средиземноморья, имели право ездить лишь представители царских родов и видные военачальники? И в какой повседневной жизни где бы то ни было практиковались заезды на колесницах – чрезвычайно дорогостоящих экипажах, использовавшихся (кроме военных действий) лишь в самых торжественных случаях, связанных в основном с празднично-религиозными мероприятиями?

Интересным и важным для нас моментом служит появление в Персии системы государственного воспитания детей, до 7 лет находившихся в семье на попечении матерей, которым запрещалось применять телесное наказание. Зато за период, который охватывало это государственное воспитание (с 7 до 24 лет) задел женского гуманизма уравновешивался достаточно суровыми нормами умеренности, воздержания, закаливания. По большому счету, очевидно, именно с персидского варианта развития физической культуры стоит начинать говорить вообще о становлении системы физического воспитания, хотя с 15 лет для

юношей эта система перерастала в типичное военно-физическое воспитание, состоящее из охоты и военных упражнений.

Не совсем ясно происхождение и назначение популярной у персов игры «чауган», но сам факт наличия подобной игры (похожей на «конное поло») свидетельствует, во-первых, об аристократическом характере рассматриваемого физического воспитания, во-вторых, о наличии игровой телесно-двигательной практики, выходящей за рамки чисто военно-физического воспитания.

И ещё один факт, показывающий наличие у персов именно системы физического воспитания, – это факт «совершенствования физических качеств» «на протяжении всей жизни» [там же, с. 14].

Что это такое, как не ориентированная на постоянные войны система, если и не вполне всеобщего, то уж точно непрерывного физического воспитания, четко разбитая на функционально и содержательно продуманные этапы?

Перейдём к краткому анализу физической культуры Древнего Египта. Здесь авторы уже совершенно четко и неприкрыто пишут о «культовом состязании по бегу за право быть царем-богом, фараоном» (которое позднее заменяется борьбой, сродни «вольной борьбе»), о храмовых празднествах Рамзеса II, сопровождавшихся состязаниями на колесницах с участием фараонов, о «соревнованиях воинов, бегущих за колесницами» [там же, с. 16–17].

Одновременно, как бы показывая всю богатую палитру разнообразных проявлений физической культуры древних египтян, упоминаются: гребля, стрельба из лука, кулачный бой. Состязания гребцов, как и воинов-бегунов, совершенно очевидно носили религиозно-ритуальный характер, ведь не случайно изображения тех и других помещены на изваяниях сфинксов времён правления Аменхотепа II. Что касается стрелков из лука и кулачных бойцов, то здесь речь явно идет о местной единоборческой практике, но не совсем ясен социальный характер этой практики. Зато следующий фрагмент расставляет все акценты уже совершенно определенно: «Жесткая социальная иерархия и жрецы, строго хранившие традиции, делали невозможным создание стадионов, расположенных обособленно от мест совершения религиозных обрядов, а также соревнований вне религиозного ритуала» [там же, с. 18].

Наряду со священными состязаниями у древних египтян развивались различные направления физического воспитания, частично привнесенные извне (например, после персидского нашествия). Упоминаются: игровые (игра юношей в мяч, конное поло), танцевальные (для девушек), единоборческие (борцовские, фехтовальные), охотничьи практики, плавание. Однако показательно, что изображения указанных практик были размещены на надгробных памятниках в Саккаре и Бени-Гассане. Таким образом, все они также могли иметь религиозно-обрядовый состязательный характер, по крайней мере, первоначально и частично.

Вообще физическое воспитание в Египте носило четко выраженный социально-классовый характер, поскольку было личным, а не государственным делом, доступным преимущественно богатым слоям древнеегипетского общества. Кроме того, оно тяготело к военно-физическим упражнениям, требовавшимся для военной и трудовой деятельности в рядах ополчения (задействованного также и на общественных работах), подстраивалось под практиковавшиеся виды вооружения и ведения боевых действий. «Сведений о регулярной физической подготовке или о соревнованиях внутри египетской армии до нашего времени пока не обнаружено. Вероятно, это связано с тем, что Египет постоянно вел войны, и солдаты становились опытными военными через пару лет без каких-либо специальных тренировок» [там же, с. 20]. Этот фрагмент для нас особенно показателен: во-первых, он отражает раздельность и несмешиваемость религиозных состязаний, с одной стороны, и воинской подготовки – с другой; во-вторых, он доказывает, что военно-физическое воспитание в Древнем

мире было производным от специфики ведения военных действий, применяемого в них вооружения, а не наоборот. Вместе с тем в указанном фрагменте отражено недопонимание авторами особенностей боевой подготовки, немыслимой без регулярно проводимых упражнений с оружием и без него, что не позволило им понять и реальную роль единоборств в обеспечении «военного опыта», да ещё и к тому же приобретаемого всего лишь за «пару лет».

Эксклюзивный вклад в сокровищницу мирового физического воспитания внесла древнекитайская культура. Именно от нее во многом берет начало направление лечебной гимнастики, системно представленное единство медицины и физической культуры. Авторы верно отмечают, что в древнем Китае «с помощью опыта лечения с использованием движений были разработаны методы воздействия на функционирование человеческого организма» [там же].

Однако их ссылки на древние китайские книги и данная ими интерпретация древнекитайского физического воспитания не всегда близки к истине. Например, мы уже неоднократно писали о неверном транскрибировании слова «гунфу», имеющего десятки смыслов и значений, но в обобщенном варианте означавшего «мастерство», «совершенство», «работу по совершенствованию», «путь достижения мастерства». Поэтому в написанной в III тыс. до н. э. (возможно, сам факт и время рождения этого труда сильно искажены) книги «Гунфу» (а не «Кунфу») перечисляются многочисленные гунфу-практики, далеко не всегда имевшие отношение к физической культуре, объединенные лишь самой общей, традиционно китайской идеей мировой социально-этико-политической гармонии, мистического Порядка, материализованного в Поднебесном государстве «Чжун Го» или «Чжун Хуа». Отсюда некоторая путаница в систематизации и несколько принудительный характер типовой военной соотносительности гунфу-практик, частичная и поспешная (не конкретно-исторически данная) взаимоподмена народного, религиозно-магического, военно-религиозного типов единоборств и боевых искусств.

Помимо лечебно-терапевтической гимнастики у древних китайцев отмечается наличие систематизированной (уточним, относительно независимой от религиозного культа) военной подготовки, включавшей гонки на колесницах, упражнения по стрельбе из лука, с копьем, по рукопашному бою.

Не полностью и не до конца идентифицированы авторами социальное происхождение и принадлежность боевых танцев, «танцев, исцеляющих бесплодие», так называемых «танцев умерших», изображающих «подвиги предков» [там же, с. 21]. По ряду причин мы бы отнесли указанную танцевальную практику к религиозно-магической сфере социальной деятельности, что, в свою очередь, проясняло бы ситуацию с воспитанием китайских мальчиков в «специальных заведениях», уточняя храмово-монастырский, а не светско-государственный характер этих заведений.

Военно-физический профиль древнекитайских игровых практик, например китайского аналога современного футбола – «чжу кэ» авторами подтверждается, как подтверждается ими и религиозное происхождение «боя с тенью» – основы кулачного боя. Очень верно показано и интерпретировано происхождение культуры ушу, рождённое на рубеже становления религиозно-боевых или военно-религиозных единоборств. Авторы пишут: «Название «ушу» включало в себя два иероглифа: «у» – бой, сражение, и «шу» – священное искусство, связанное с магическими ритуалами. Большая часть упражнений ушу сочетала в себе элементы тренировки боевых искусств и магические танцевальные композиции, обладающие определенным символическим смыслом» [там же, с. 23]. К сожалению, дальше, описывая эволюцию культуры «ушу» в V–IV вв. до н. э., авторы несколько заблуждаются по поводу размежевания в рамках этой культуры «аристократического» и «народного» стилей. Патернализм, холизм, традиционализм и ритуализм древнекитайского общества стимулировали

движение его культуры в несколько ином, нежели на Западе, парадигмальном направлении, не позволяющем противопоставлять друг другу народ и правящую бюрократию. Поэтому, отражая указанный этап трансформации культуры «ушу», следует скорее говорить о разделении религиозно-культовой, военно-прикладной и общественно-государственной практики дальнейшего культивирования ушу. Это же косвенно подтверждают и сами авторы рассматриваемого материала: «Школы ушу приобрели ещё большее значение после введения обязательных экзаменов по боевым искусствам для всех, кто претендовал на государственную службу» [там же].

Наконец, мы добрались до анализа физической культуры Древней Индии, наследием которой (часто совершенно не понимая её корней и основополагающих принципов) наши современники наслаждаются до сих пор. Тем более важно внести ясность по данному вопросу.

Прежде всего представляется, что анализировать древнюю дравидическую физическую культуру Индии до арийского завоевания, претендуя на достоверность, вряд ли возможно. Понятно, что свои коренные традиции у нее были, но с приходом завоевателей они наверняка запрещались и искоренялись как опасные проявления освободительного движения или просто пассивного сопротивления, как запрещались и искоренялись основывающиеся на данных традициях дравидические религиозные культы. Единственным известным в мировой истории механизмом массово доступной трансформации проигравшей и побежденной религиозной и военной культуры выступает народное (фольклорное) танцевальное искусство, в котором (чаще всего в скрытой, замаскированной форме) практикуются комплексы находящихся под запретом телесно-двигательных, психофизических упражнений.

Что касается физической культуры древнеарийского или адаптированного под ариев происхождения, то здесь целесообразно высказать несколько принципиальных соображений.

Первое. Ни о каких спортивных состязаниях в данном случае речь идти не может, поскольку состязательность древнеиндийского образца была (и до сих пор) замешана на ведических культах (гимнах), ничего общего с античной культурой не имеющих. Нельзя «сбрасывать со счетов» и религиозно-магический характер древнеиндийских «эпосов» Махабхараты и Рамааны.

Второе. Власть священнослужителей-брахманов и воинов-кшатриев имела свои четко очерченные и несмешиваемые области функционирования, поэтому в данном случае:

– говоря о физической подготовке военной аристократии (стрельбе из лука, верховой езде, езде на колесницах, гребле, фехтовании), мы должны подразумевать именно военно-физическое воспитание;

– а рассуждая о содержательном телесно-двигательном наполнении «традиционных религиозных праздников» (состязания по бою без оружия, на колесницах, по танцам, и, возможно, даже по игре в мяч с битой «катхи-ценду»), не стоит забывать об их религиозно-магическом обрядово-ритуальном характере.

Третье. Отдельного рассмотрения требуют и заслуживают социальное происхождение и назначение интеллектуальных игр на досках, например, «чатуранги» (прародительницы современной игры в шахматы). С одной стороны, авторы упоминают, что уже в VII в. до н. э. повсеместно существовал культ этой игры, с другой стороны, сама структура чатуранги (от «чатур» – четыре, «анга» – боевой порядок) указывает на военно-прикладной интеллектуально-стратегический характер игры, в которой в образно-ассоциативной форме представлены четыре главных вида древнеиндийской армии (пехота, кавалерия, боевые колесницы, боевые слоны) [там же, с. 25–26]. Если культово-боевая версия происхождения чатуранги верна, то перед нами не что иное, как одно из первых в мировой истории физической культуры явлений синтетического религиозно-политического игрового характера, подпадающих

в современных условиях под критерий спортивно-прикладной, условно-компенсаторной, игровой состязательности.

Характерно, что уже в Древнем Китае и в Древней Индии физическая культура и свойственная ей состязательная практика были обобщены и осмыслены на религиозно-философском уровне. Получили соответствующий духовный заряд и восточные единоборства и различные направления восточного физического воспитания. Интересно, что древняя античная агонально-спортивная традиция на философский уровень так и не поднялась. Хотя античное физическое воспитание в работах античных философов (например Аристотеля), кстати сказать, было представлено, причём представлено в контексте решения общепедагогических, социальных, этических и эстетических задач.

Всем этим мы хотим сказать лишь то, что в процессе исторической адаптации к спорту как образованию, базирующемуся на более примитивном религиозно-магическом типе мировоззрения, указанные восточные (и западные) направления (институты) физической культуры закономерно должны были нечто «потерять», избавиться, во-первых, от своей религиозной специфики, во-вторых, от присущей им философской составляющей, скатившись к требующемуся в своей спортивной норме мифологическому мировоззрению. Что же им было суждено потерять?

Во-первых, с течением времени в процессе спортизации, конечно, не сразу, а лишь в XIX–XX вв. в мировой физической культуре произошла подмена реальных военно-физических прикладных воспитательных систем (заложенных ещё в древности, в частности, в Древнем Китае, Древней Индии, Древней Греции, Древнем Риме) на иллюзорно-компенсаторные условно-игровые спортивно-прикладные системы.

Во-вторых, в результате отстранения философской основы китайской и древнеиндийской физической культуры в спорте так и не нашли своего, достойного их значимости, применения ни гигиенические лечебно-профилактические, ни оздоровительно-дыхательные психофизиологические системы статического и динамического характера.

В-третьих, были утрачены древнейшие тотемистические, магические и иные раннерелигиозные корни телесно-двигательных практик, которые в древности (II в. н. э.) стали основой, например, китайской гимнастики Хуа То – «игры пяти зверей».

В результате, с одной стороны, спортсмены утратили системное основание для комфортного мировоззренческого обоснования и сбалансированного самочувствия при активной соревновательной деятельности, отсутствие которого превращает лучших из них в мистиков и неврастеников [Загайнов Р.М., 2005]. С другой стороны, сам спорт стал паразитически использоваться для политически целенаправленного возрождения тотемистических и магических ритуалов фанатов и ультрас, перед которыми сфера спорта во многом оказывается беззащитной [Алексеев А.Г., Передельский А.А., 2014].

В связи со столь серьезными современными обстоятельствами представляется целесообразным более детально рассмотреть тотемистический и магический механизм становления древней физической культуры у ряда африканских племен, чей образ жизни, быт и верования до недавнего времени оставались на уровне древнего и древнейшего сообщества, на примере которых мы, следовательно, можем сделать определенные выводы, касающиеся антропосоцио-генетического основания процесса эволюции мировой физической культуры.

Найденные в ходе археологических раскопок изображения охоты древнеегипетской аристократии на бегемотов (возраст находок позволяет датировать их, соотнося со второй половиной III тысячелетия до н. э.) уже сами по себе наталкивают на предположение о тотемистических культовых основаниях этой «забавы», ссылка на «спортивный характер» которой в древности имеет смысл лишь при сопоставлении с «утилитарными целями» подобного занятия в более поздние периоды истории Египта [Мельникова Н.Ю., Бондарчук О.А., 2011; с. 58–59].

Тотемистические ритуальные боевые танцы (пляски), групповые охотничьи загоны и ловитвы практиковались у многих древнеафриканских племен и народностей: у баккарской народности в Восточном Судане они были связаны с охотой на слонов и страусов, у нуэрских племен в южной части Судана – на гиппопотамов.

В древнеафриканской физической культуре имели место пережитки и других раннерелигиозных верований: анимизма, фетишизма, шаманизма, культа предков, земледельческих и скотоводческих культов. Например, у тех же нуэров «военный предводитель – гванмуот, как считали соплеменники, был наделен магической силой ушедших в иной мир вождей племени. Он участвовал в военной подготовке молодежи, руководил военными операциями, был мастером владения копьем, которое, согласно легендам, в его руках приобретало магическую силу и обладало чудодейственными свойствами» [там же, с. 63–64]. В племени шилукки – соседей нуэров – считалось, что родовой вождь – реф «носит в себе дух легендарного основателя шилуккского народа ньяканга. Звание верховного правителя переходило от отца к сыну, однако кандидат в преемники обязан был пройти специальные испытания, которые подтверждали его силу, ловкость и выносливость. Испытания проходили публично. Реф мог быть верховным правителем лишь до тех пор, пока сохранял физическую форму на высоком уровне» [там же, с. 64–65].

Как и у других народов мира, у древнеафриканских племен существовало два архаичных социальных института (институт ритуально-обрядового посвящения молодежи – «инициации» и институт раздельного полового воспитания и подготовки юношей и девушек в «мужских» и «женских домах» «тайных культовых союзов»). Именно посредством указанных институтов (общих для процесса антропосоциогенеза в целом) осуществлялся исторический переход от древнейших проторелигиозных состязаний к военно-религиозным и военно-прикладным практикам, системам военно-физического воспитания, включавшим ритуальные танцы с гимнастическими и военно-прикладными упражнениями, магические действия и поединки, различные виды бега и прыжков, поднятие и переноску тяжестей, греблю, плавание, стрельбу из лука, кулачный бой и многое другое. В этом смысле, помимо уже рассмотренных народностей, показательны тайные союзы и общества племен западной Африки от Португальской Гвинеи до Берега Слоновой кости (кпелле, гола, темне, булло, кисси, палу, ландума) [там же, с. 65].

С теми же обрядами инициации, племенными домами и тайными обществами было связано возникновение местных видов единоборств (например, борьбы «синь-тин» – у племен Западной и Южной Африки, фехтования на палках, кулачного боя, стрельбы из лука – у других народностей древнейших и более поздних африканских государств Ганы, Мали, Бенина, Йоруба, Дагомеи).

Последнее, что мы считаем необходимым отметить в данном анализе, так это факт исторического первенства всеобщего для ранних культур института религиозной состязательности. Нет, не спорта, а именно религиозно-культовой состязательности, по отношению к которой агонально-спортивные соревнования выступили более поздними и локальными (региональными) формами преемственности. Причём историческое становление последних имело перед собой и впереди себя сформированные на основе древнейшей и древней состязательности институты единоборств и физического воспитания.

Подтвердить и детализировать данное утверждение поможет анализ особенностей исторического развития физической культуры в Древней Греции и в Древнем Риме.

Физическая культура в Древней Греции

Известный отечественный философ спорта В.И. Столяров в своих многочисленных работах определяет спорт как совокупность различных (разнообразных) видов (форм)

условного игрового соперничества [Столяров В.И., 2005–2014]. Естественно, мы приводим здесь не всё, а лишь часть данного им объемного и обстоятельного определения, рожденного в многолетней дискуссии со сторонниками соревновательного подхода [Матвеев Л.П., 2005; Визитей Н.Н., 2009, 2011; др.]. Однако именно эта, указанная выше корневая основа определения спорта для нас принципиально важна. Попробуем объяснить суть такой степени важности. Историк физической культуры и спорта Б.Р. Голощапов пишет: «Изучение древнегреческой культуры, и физической в том числе, новые данные о сравнительной этнологии и обычаях других наций сформировали убеждение, что элемент соперничества (и в двигательной деятельности в том числе) является универсальным компонентом антропологии человека. Это не только характерная и привилегированная черта древних греков. Соревнование в духовной, интеллектуальной и физической культуре имеет универсальный характер и служит одним из наиболее важных социологических и этнологических принципов развития человеческого общества. Более того, существует мнение, что соревнование (соперничество) должно быть признано в качестве одной из основных черт, присущих человечеству» [Голощапов Б.Р., 2007; с.18].

Не будем привязываться к не совсем точному использованию определённых слов в приведенном фрагменте, но обратим внимание на два момента.

Первое – это некоторое биологизаторство, связанное с попыткой подмены социальных характеристик человеческих отношений на биологические; ведь соперничество присуще и миру животных, и даже в первую очередь миру животных, из которого происходит человек как биологический вид. Нужно отметить, что из цитаты неясна позиция самого автора, однако её продолжение «расставляет все необходимые точки». Б.Р. Голощапов пишет: «В самом деле, если двигательная деятельность – это естественная потребность человека, то элемент соревнования, соперничества при выполнении физических упражнений (особенно у детей) должен быть неотъемлемой её составляющей» [там же]. В данном рассуждении нет строгого формально-логического следования, то есть формально оно неправильное, а значит, автоматически исключающее содержательную истинность.

Однако есть смысл опровергнуть одно рассуждение другим рассуждением того же автора: «Физические упражнения древнего человека входили в магический церемониал, обрядовые танцы, посвящения, игры, имитируя трудовые, военные и другие действия. Через них осуществлялась передача опыта в выполнении тех или иных движений (а это уже зарождение элементов физического воспитания)...» [там же, с. 6].

Вот теперь, на основании вышеизложенного, можно перейти к комментарию другого, на наш взгляд, теоретического просчета Б.Р. Голощапова, а именно: к знаку равенства, поставленного им между терминами «соперничество» и «соревнование» (чего, особо заметим, не наблюдается в работах В.И. Столярова, четко разводящего эти понятия). По нашему мнению, которое мы и пытаемся концептуально обосновать, соревнование не есть эквивалент соперничества, как социальное явление может лишь напоминать биологическую закономерность, но не может в буквальном смысле её повторять, будучи её диалектическим «снятием».

Таким диалектическим «снятием», «отрицанием» принципа биологического соперничества выступает социально-религиозный принцип состязательности, одним из гораздо более поздних и системно завершенных преемников которого опосредованно становится спортивное соревнование, развивающееся и процветающее уже не на уровне раннерелигиозных верований и культов, а на уровне сложившихся племенных и национальных религий в эпоху «военной демократии». Посредниками между древнейшими и древними формами культовой состязательности и спортивным соревнованием (в его агональном и колизеальном вариантах), как уже указывалось, послужили социальные институты единоборств и физического воспитания. Причём, по большому счету, о спортивном соревновании как таковом

следует начинать говорить по мере освобождения спортивной культуры от пережитков религиозно-культового элемента и превращения в относительно обособленную область общественной деятельности и форму производства.

Посмотрим, насколько история физической культуры Древней Греции и Древнего Рима подтверждает высказанное предположение.

Перешедшая к нам по наследству от мыслителей и художников эпохи Возрождения тяга рассмотрения античной (особенно древнегреческой) культуры как «золотого века» культуры Человечества, в частности, выразилась в сильно идеализированных, стилизованных и упрощенных представлениях об этико-эстетическом эталоне человеческой личности, якобы представлявшей собой в Древней Греции гармоничное сочетание телесно-физического и духовно-интеллектуального совершенства. Да, действительно подобный идеал гармоничного человека тогда существовал, но, будучи идеалом, как любой идеал, по большей части культивировался в головах философов, нежели соотносился с конкретно-исторической реальностью. В огромной степени сказанное касалось и физической культуры Древней Греции. И дело здесь даже не в том (как полагает Б.Р. Голощапов), что не следует переоценивать положительные качества её культурного наследия, включавшего и сильные и слабые стороны, отразившиеся в современном спорте и Олимпийских играх. Дело в том, что греческая культура (как, впрочем, и римская) не была единой, монолитной. Исходя из этого, невозможно и не нужно пытаться говорить о единой и монолитной основе физической культуры древних греков и древних римлян.

Во-первых, и те и другие строили свою культуру (в том числе и физическую), во многом заимствуя чужие культурные формы и традиции (греки – финикийские, римляне – этрусские).

Во-вторых, социально-этническая, производственно-экономическая и религиозно-политическая история данных древних народов отнюдь не проста и не однородна. Например, в древней истории Греции традиционно выделяются крито-микенский, ахейский, дорийский периоды, сильно различавшиеся по своим социальным характеристикам.

В-третьих, даже описывая отдельно физическую культуру Древней Греции, историки четко разделяют Спарту и Афины, как разделяется спартанский и афинский периоды существования древних Олимпийских игр.

И, наконец, в-четвертых (это самое для нас главное), историки единодушно различают, даже в чем-то противопоставляют друг другу две области древнегреческой физической культуры: «гимнастику, или общее физическое воспитание, и агонистику – специальную подготовку и участие в состязаниях» [Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., 2013; с. 24]. Из них только «агонистика включала в себя гимнастические агоны, состязания и мусические соревнования (в области музыки, танцев, поэзии)» [там же, с. 25].

Античная гимнастика также не была однородной. Это был целый комплекс, включавший в себя три составляющих: игры, палестрику (собственно физическое воспитание), орхестрику. При этом «орхестрика сформировалась из ритуальных танцев, тесно связанных с древними обрядами посвящения. К ней относились игры с мячом для развития ловкости, акробатические упражнения, обрядовые, театральные и боевые танцы. Эти движения использовались при совершении культовых обрядов и во время публичных зрелищ, они применялись как вводные и дополнительные к основным при занятиях палестрикой» [Голощапов Б.Р., 2007; с.14].

«Наиболее важную роль в становлении древнегреческой агонистики... сыграли испытания, связанные с обрядом посвящения молодежи, магические ритуалы. Состязания (особенно первоначально) посвящались богам и были важной частью религиозных обрядов, а не играми с их чисто состязательными (спортивными) целями» [там же].

В данном фрагменте Б.Р. Голощапов снова путается, теперь уже ставя знак равенства между состязательным и спортивным, но религиозная, культовая суть агоний из этого отрывка предельно ясна.

Далее историк отмечает, что «с IX в. до н. э. игры (имеется в виду агонистика – *А.П.*) начинают превращаться в демонстрацию боевых (военно-физических) качеств рабовладельцев. Другими словами, становятся более атлетическими по содержанию» [там же]. Под атлетическим вырождением историк (как и многие другие философы, социологи, историки спорта) понимает постепенную победу светского начала над культово-религиозным и нарастающую утилитарность, коммерциализацию, идущую на смену идеалу человеческой гармонии. В подтверждение этой мысли можно привести высказывания и точки зрения древнегреческих поэтов и философов (начиная от Еврипида и Ксенофана, заканчивая Платоном и Аристотелем), подвергавших нарастающий атлетизм насмешкам и откровенному осуждению за односторонность развития, жестокость, недалёкость и жадность древнегреческих атлетов, медленно, но неуклонно становившихся профессионалами.

В данном случае не следует забывать, что насмешки и осуждения ни в коем случае не касались военно-политического сектора физической культуры древних греков, их военно-физического воспитания, которое наши историки иногда слишком поспешно и опрометчиво называют «общим».

В Спарте при этом практиковалось воспитание не только суровое и полностью ориентированное на военно-физическую подготовку, но и довольно одностороннее (в плане акцента на физические кондиции). А в Афинах, несмотря на большую уравновешенность телесного и духовно-интеллектуального факторов в общей воспитательной системе, последняя, тем не менее, также целиком и полностью подчинялась задачам подготовки граждан к военной службе, подчас далеким от идеала личностной гармонии.

И при этом невозможно отыскать в источниках никакого явного осуждения. Почему? Да потому, что ни один общественный деятель в здравом уме не рискнул бы осмеивать и осуждать своё государство, свою армию и свою семью (другое дело – мнение врагов и чужих). А институт древнегреческого физического воспитания как раз охватывал до 7 лет семью, до 20 лет (у спартанцев) – специальные общественные дома; с 7 лет – частные школы и с 16 до 18 лет (у афинян) – государственные школы – гимназии; с 20 лет (у спартанцев) и с 18 лет (у афинян) – военную службу в структуре эфебии.

Таким образом, в Древней Греции существовала развитая система частного и государственного военно-физического воспитания, кстати, также в определенной части основанная на культах и ритуалах, роль которых в агонистике неуклонно уменьшалась и выхолащивалась, что, несомненно, воспринималось как святотатство.

Проведенный краткий анализ показывает, что уже в Древней Греции формировалось некое сущностное противоречие между идеальными и реальными формами существования физической культуры. Усугубление данного противоречия было вызвано частично борьбой разных этносов, частично борьбой религиозной и светской власти, частично столкновением и конкуренцией разных (в том числе, противоборствующих) религиозных культов родовых, племенных, национальных религий, вынужденных сосуществовать на территории средиземноморского региона. В результате всего этого сгустка противоречий побеждает и развивается некое синкретическое агонально-спортивное светское атлетическое начало, образование, в котором экономические и политические составляющие постепенно «берут верх» над культово-религиозными. В немалой степени этой победе поспособствовал развал системы греческого военно-физического воспитания в результате македонских и особенно римских завоеваний, приведших к потере Грецией своей национальной независимости, что, в свою очередь, отчасти было вызвано кризисом эфебии и переходом греков от гражданского ополчения к набору профессионально-наёмнической армии.

Основу данного образования (впоследствии именуемого спортом) составляли особые формы греческой (возможно, не только греческой) состязательности, носившие для древних греков универсальный этнокультурный характер, в полной мере отраженный в древнегреческой мифологии, к которой мы далее и обращаемся в надежде найти более полный и развернутый ответ на интересующую нас тему.

Мифология Древней Греции

Действительно глубокое изучение агонистики (как и римских форм состязательности), на наш взгляд, не может ограничиваться уровнем истории физической культуры и спорта. Оно должно отталкиваться от установленных фактов из области истории религии и религиозной мифологии Древней Греции, в которых, собственно, и нужно искать глубинные корни происхождения агонистики и спорта в целом.

Именно в греческих мифах следует искать разрешение коллизии между произволом, властью богов и стремлением человека к свободе, самовыражению, разрешение, которое привело к возникновению спорта и спортивного регламента. Соответственно, именно в греческих мифах в специфической форме отражается древнейший период формирования спорта из религиозно-светских обычаев и ритуалов.

Начнём с того, что в античной религиозной мифологии четко просматривается уже не родовое устройство, а социальные отношения, свойственные эпохе военной демократии и ранним формам рабовладения. Зевс – первый среди олимпийских богов – типичный военный вождь, выдвинувшийся в войне с титанами и разделивший власть и сферы влияния с Посейдоном и Аидом. Боги убивают, прелюбодействуют, лишают пищи, что принципиально противоречит трем моральным табу – запретам первобытного общества: запрету на убийство родовича, запрету на вступление в половую связь с родовичем, запрету на явное неравенство или отказ в распределении воды и пищи среди членов рода. Война становится даже уже не промыслом, а обычным делом, смыслом существования, например, таких богов, как Афина и Арес. Боги обрекают друг друга, героев и людей на долгие и мучительные годы рабства (как в случае с Гераклом). Царство Аида – подземное царство душ умерших вообще напоминает рабские каменоломни (миф о Сизифе). Даже боги рискуют быть проданными в рабство простыми смертными (миф о Дионисе и тирренских морских разбойниках). В греческих мифах описано процветание ремесел (миф о Гефесте), торговли и даже воровства (мифы о Гермесе).

Природа как таковая в древнегреческих мифах практически не присутствует: явления и силы природы, представители растительного и животного царства одушевляются, более того, обожествляются. Мир полон нимфами, дриадами, иными существами, которые испытывают метаморфозы, превращения (мифы о Дафне, Актеоне, Арахне, Нарциссе, Кипарисе). Здесь прослеживается сильное влияние анимистических и тотемистических верований.

Абсолютной неизбежностью наделяется только неумолимая Судьба, но и её всевластие подчас стараются обмануть или героически изменить, предвосхищая и изменяя неизбежное в узловых точках (миф о рождении Афины из головы Зевса).

Да, действительно в греческой мифологии на долю человека выпадала служба орудийного характера: он был игрушкой и орудием в руках и замыслах враждующих между собой, коварных, хитрых, злопамятных богов. Но описываются случаи в том числе и самоволия, гордости, несгибаемости людей и, особенно, героев, их активного протеста против воли, решения, произвола богов (мифы о Геракле, Прометее, Арахне, соревновавшейся с Афиной; Оте и Эфиальте, пленивших бога войны Ареса; Асклепии, исцелявшим даже мертвых, и прочее).

И действительно в той же греческой мифологии человек в отдельных случаях в качестве дара или для исполнения конкретного поручения богов получал магические силы, но они, эти силы, никогда не были неограниченными. Если же люди, герои или титаны превышали данные им богами полномочия, по глупости, жалости, доброте или из-за гордыни начинали мнить себя равными богам, то их ждала и страшная расправа и гибель (мифы о Фэптоне, Дедале и Икаре, слепом Финее, прикованном Прометее, Одиссее).

В греческих мифах и всесилье и бессилье регулировались, регламентировались понятием справедливости, основанном на представлении о мере, в свою очередь базировавшемся на определенном понимании закона и порядка, установленных Зевсом, которые никому (ни богам, ни людям) не разрешено было нарушать. Нарушение установленного закона и принятого порядка в мифологии древних греков отражало глобальный политический переворот, смену власти и, собственно, миропорядка (миф о восстании олимпийских богов против Крона и титанов).

Наконец, реальной зависимости от мира древние греки противопоставляли не только своё мифологическое всесилье. Они реально тренировали себя, чтобы в войне, в ремесле, в спорте добиться богоподобия, стать достойными слугами и проводниками воли, вестниками силы представляемых ими богов. При этом они сохраняли приличествующую смертным, лишенным дара бессмертия и магии, скромность.

Заметим, в древности олимпийские чемпионы назывались не так как сегодня: не олимпийцами (богами), а олимпиониками. Так что современные спортсмены в гораздо большей мере подвержены гордыне в основном мифологического характера, раз в современной мифологии и практике прозываются олимпийцами.

В свете сказанного нам крайне важно рассмотреть религиозно-мифологическое отражение древнего спорта в древнегреческих мифах и героическом эпосе.

Основным принципом, отделившим в древнем мире спортивную деятельность от любой другой, был принцип соревновательности, по мифологии, присущий поведению бессмертных богов. Олимпийские боги постоянно соревнуются между собой, соперничают в игре, довольно жесткой игре, где гибнут не только люди и герои, но и сами боги. И всё-таки для богов вечная жизнь – это постоянное соревнование по определенным (правда, постоянно нарушаемым) правилам. Зевс соревнуется со своей женой Герой, Арес – со своей сестрой Афиной Палладой. В соревнование с богами вступают люди, герои, другие существа: богов невозможно убить, но можно попробовать победить в ходе соревнования. Так, Арахна соревнуется с Афиной в искусстве ткать ткани, сатир Марсий состязается с Апполоном в музыкальной игре (флейта против кифары). Соревнования боги допускают лишь среди равных, иначе их гнев страшен: Арахна превращается в паука, с живого Марсия сдирается кожа. Тем самым олимпийские боги жестоко наказывают за посягательство на их спортивные привилегии. Вступают в борьбу и кулачный бой без оружия также герои-полубоги (Геракл против Антея – сына Посейдона и Геи, Полидевк – сын Зевса – против царя бебриков Алинка).

Только герой Геракл (сын Зевса) и герой Тесей (сын Посейдона) не побоялись эстафету соревнования передать людям, основав различные агоны – священные игры и оставив их как ритуал празднично-зрелищного коллективного жертвоприношения богам.

Устраивались игры-состязания и в честь павших героев. Так Ахилл после похорон Патрокла устроил в честь умершего погребальные игры, в которые входили соревнования на колесницах, кулачный бой, борьба, бег, бой в вооружении, метание тяжелого диска, стрельба из лука, метание копья. Соревнование останавливали и спортсменам присуждали равную награду, если появлялась опасность того, что противники смогут сразить друг друга насмерть.

Наконец, спортивные состязания устраивались в виде брачных игр между женихами – претендентами, например, на право стать мужем Пенелопы. Но и тогда соревнования случа-

лись по наущению богов (в данном случае Афины), насылавших на людей гордыню и безумие. Только безумие позволило женихам Пенелопы взять в руки лук героя Одиссея, так и не сумевшим его согнуть и набросить тетиву. Не говоря уже о том, чтобы стрела пролетела через двенадцать колец. Это оказалось под силу лишь герою Одиссею, убившему всех женихов, покусившихся на царский жребий, дающий силу и власть. Заметим, что Сила и Власть это мифические великаны – слуги Зевса, заставившие Гефеста сковать своего друга титана Прометея.

Итак, в древнегреческих религиозно-мифологических источниках – трудах Гесиода, Овидия и, особенно, Гомера уже были отражены основы древнего спорта, неразрывно связывавшие его с религиозно-политической жизнью и религиозными ритуалами греков.

Не менее связанным с религиозно-политической ритуальной практикой древних греков выглядит и религиозно-мифологизированное искусство. Мало того, что в мифах, касающихся искусства, четко прослеживаются элементы фетишизма и магии (золотая кифара Аполлона, изобретенная Афиной тростниковая флейта, свирель Пана, магия песенного дара Орфея – сына речного бога Эагра и музы Каллиопы, способная зачаровать даже брошенный в него камень). Мало того, что в мифах о Гефесте и его искусстве ковать отразился религиозный культ огня и кузнечного дела. В древнегреческой мифологии искусство уже просто неотделимо от образа златокудрого, светозарного бога Аполлона и девяти его постоянных спутниц – дочерей Зевса и Мнемозины – муз. Обратим внимание на протокультурную неразделенность, слитность искусства, науки и ритуальной практики в мифах об Аполлоне и музах. Ведь Аполлона сопровождают не только музы эпической поэзии, лирики, любовных песен, трагедии, комедии, танцев, но и Клио – муза истории, Урания – муза астрономии, Полигимния – муза священных гимнов. Для божественного искусства, как и для божественного спорта, приличествует дух и практика соревновательной деятельности (миф о музыкальном соревновании Аполлона и Пана). Истинное искусство заставляет забыть раздоры, остановить военные действия. Даже в сонме олимпийских богов под звуки кифары Аполлона и пение его муз воцаряются мир и тишина. Обращает на себя внимание корневое религиозно-мифологическое родство спорта и искусства, их протокультурное переплетение между собой. Итак, в древнегреческих мифах религиозный культ, спорт, наука, искусство подаются в единстве, допускающем их метаморфозы, взаимные превращения.

Физическая культура в Древнем Риме

Физическая культура Древнего Рима прошла не менее сложный эволюционный путь, чем физическая культура Древней Греции, и по вполне сходным причинам. Обстоятельства эволюции этих двух поистине родственных (несмотря на различные культово-религиозные и социально-политические особенности) культур «сводят на нет» все попытки упрощенного противопоставления греческой агонистики и римского спорта, заставляют взглянуть на них как на диахронно развивавшиеся феномены, если не одного, то всё равно очень близкого порядка.

Начнём с того, что физическая культура Древнего Рима ещё менее однородна и так же, как греческая, развивалась не совсем и не только на своей социально-этнической основе. Как и население Древней Греции, римскую народность создавали три основных племенных союза (этрусков, латинян, сабинов), причём под эгидой более древней цивилизации государства Этрурии. Только в конце VI в. до н. э. Рим принял республиканское правление взамен этрусской царской династии Тарквиниев.

Именно от этрусков, по свидетельствам историков, римляне переняли искусства, алфавит, письменность и... спортивные состязания [Петракова В.Е., 2010; с. 27]. Правда, вопрос собственно о спортивности этих состязаний несколько спорен, хотя этрусская аристокра-

тия, наряду с ритуальными состязаниями и военно-физическими упражнениями, практиковала атлетизм, борьбу, игры, заезды колесниц, танцы не только на религиозных церемониях, но и во время царских пиров, на всех этрусских (религиозных) праздниках с массовыми ярмарками, на которых собирались двенадцать племен этрусков, составивших политический союз или Лигу. Иначе говоря, уже тогда, задолго до Императорского Рима, физические игры и забавы воспринимались определенной частью населения полуострова как «спортивные» (буквально, как «развлечения»). Этот вывод подтверждается настенной росписью гробниц города Тарквиния.

И всё-таки спорт как таковой (прообраз античного спорта) не составлял ядра этрусской физической культуры. Это ядро было представлено играми и танцами ритуального, культового происхождения, а также военно-физической подготовкой (воспитанием).

Состязания, проводившиеся во время религиозных церемоний союза городов во главе с Альба Ланга (VII в. до н. э.), устраивались общими храмами, «были тесно связаны с ритуалами, призванными обеспечить плодородие, успех в бою, с остатками тотемизма, родовыми культами, поклонением семейным божествам и почитанием предков. В программу состязаний входили бег, гонки колесниц, фехтование и борьба» [там же, с. 34]. Естественно, в подобных состязаниях принимали участие только свободные граждане. Соседи могли быть лишь гостями.

От этрусков римляне, имевшие с ними сходные культурные характеристики, получили в наследство и ритуальные гладиаторские бои, «история которых восходит к погребальным играм» [там же, с. 33].

Военно-физическое воспитание этрусской молодежи и воинов также носило религиозно-магический характер и сопровождалось ритуалами, которые «должны были привлекать внимание и завоевывать расположение богов войны» [там же, с. 31].

По мере отмирания религиозных празднеств Этрusской Лиги, состязания всё больше и больше принимали военно-прикладной характер, сущность и статус военных игр, сохраняя при этом и ритуально-символическое значение. Так, «Троянские игры» патрициев, которые «устраивались перед боевыми походами, по случаю победы или принятия присяги», включали боевые пляски, состязания колесниц, конные скачки [там же, с. 34]. В этом «Троянские игры» напоминают Олимпийские игры спартанского периода.

Вообще историки постоянно обращают внимание на то, что «физическое воспитание в Древнем Риме преследовало чисто практические цели», что «оно носило преимущественно военно-прикладной характер и в этом смысле было похоже на спартанское» [Голощапов Б.Р., 2007; с. 18]. Как мы показали выше, это не совсем так, то есть сходство, конечно, имеется, но переоценивать его не стоит.

По мере роста имущественного неравенства между патрициями и плебеями последние, имея гражданские права и пополняя римскую армию, стали проводить собственные игры, однотипные с патрицианскими.

Постепенно ориентация на захватнические войны меняет облик римской физической культуры. Сначала она максимально милитаризируется, затем военная подготовка профессионализируется, переключаясь в легионы, куда молодёжь поступала в 16–17-летнем возрасте, уже получив базовую военно-физическую подготовку в семье под надзором отцов. Свободные граждане «уходят с арены цирков в военные лагеря», хотя Плебейские и Аристократические игры ещё продолжают устраивать, включая в них культовые состязания, шествия и жертвоприношения. Неоднократно делались попытки перенести из Олимпии в Рим и Олимпийские игры, но неудачно: «аристократия «Вечного города» не принимала греческую гимнастику, считая её бесполезной и даже порочной. Они (аристократы – *А.П.*) видели в ней опасность развращения молодежи, приучения её к праздному (читай – спортивному – *А.П.*) времяпрепровождению в гимназиях за бесцельными упражнениями, опасность

падения нравов и крушения мощи государства» [Петракова В.Е., 2010; с. 40]. То есть свободными гражданами и для свободных граждан воюющего Республиканского Рима лишённый религиозно-культового характера спорт как праздное и общественно бесполезное занятие не признавался. Что же произошло далее?

А далее «основанная на военной диктатуре империя положила в конце I в. до н. э. конец полувековому внутреннему кризису. Окончание гражданских войн и обеспечение внутренней безопасности создало условия для почти двухсотлетнего мирного развития экономической и культурной жизни» (внутри расширяющейся Римской империи – *А.П.*). А переставшая (в связи с реформой Марии по созданию во II в. до н. э. профессиональной наёмной армии) жестко ориентироваться на военно-прикладные задачи «физическая культура стала выполнять развлекательные функции» [там же].

Место свободных римских патриотов в цирках заняли рабы-гладиаторы и помилованные преступники. Но не только они. Недаром историки «расходятся во мнениях по поводу “жалкой судьбы” несчастных гладиаторов». Для многих из этих «несчастных» судьба была более, чем благосклонна. «Гладиаторами становились не только по принуждению рабовладельца или по приговору суда к арене, но и абсолютно добровольно, в погоне за приключениями, славой и богатством» [там же, с. 44]. Удачливые гладиаторы получали денежные призы, проценты от ставок, давали платные уроки фехтования, становились ланистами. Причём, по доказательному объяснению В. Е. Петраковой, очевидно, что получение полного освобождения и восстановления в гражданских правах для римских преступников и рабов было скорее не исключением, а распространённым правилом, имевшим свои условия и сроки. Гладиаторство как популярный вид спорта было профессией и профессией весьма прибыльной.

Другим популярным у римлян видом спорта выступали состязания колесниц. В этой области у римлян сформировались целые спортивно-политические фракции или партии белых, красных, синих, зеленых, превратившие цирковые зрелища «в своеобразную арену политической борьбы». Заезды колесниц в Риме превратились не просто в профессиональное занятие, вокруг них оформился целый высоко прибыльный бизнес, позволявший даже возницам наживать значительное состояние и делать социальную карьеру.

С конным спортом были связаны детские (до 11 лет) и юношеские (до 17 лет) состязания всадников по акробатике и тому, что в будущем назовут джигитовкой.

Итак, физическая культура Древнего Рима проделала долгий путь, полный метаморфоз: от ритуальных единоборческих состязаний – к военно-физическому воспитанию, от последнего – к праздному спортивному зрелищу, от праздного спорта – к политике и бизнесу (механизму наживы). От политики и бизнеса оставался один шаг к государственному религиозному культу обожествления императоров и превращения в арену политической борьбы за высшую власть, в которой простой народ стал простой марионеткой, покупаемой за организацию бесплатных кровавых развлечений, массовых раздач продовольствия и вина, то есть за комплекс натуральных благотворительных пожертвований, названный в истории «хлебом и зрелищами». И этот шаг был сделан уже во времена Суллы и Нерона.

Если, сравнивая древний и современный спорт, мы «на опережение» заглянем несколько вперед, то увидим, что, кроме первого этапа, они удивительно похожи между собой во всех основных фазах своей эволюции. Да и отсутствие первичного этапа религиозного культа можно принять не за абсолютную, а лишь за относительную истину.

Физическая культура в эпоху Средневековья

Несмотря на то что агонально-спортивные традиции Античности в Западной Римской империи были во многом насильственно прерваны в IV в. н. э. в связи с варварскими завоеваниями и последующей христианизацией Западного мира, в Восточной римской империи

они ещё продолжали своё существование как минимум до VII в. н. э., то есть дожили до периода раннего Средневековья. В этот период Византийская Империя уже узнала военную мощь славянских дружин, представители которых по сути находились на этапе разложения родового строя и создания общества военной демократии. Таким образом, вариант взаимозаимствования и преемственного влияния в области, в частности, физической культуры у средневекового греко-римского и у, собственно говоря, ещё древнеславянского общества в истории существовал. Поэтому, признавая имеющую в данном случае формационную диахронность, мы начнём сравнительный анализ средневековых образцов физической культуры с культуры славян до IX–X вв. н. э. включительно.

Как уже отмечалось выше, у племенных союзов антов и венедов, давших (в дальнейшем выделившуюся и обособившуюся) ветвь восточных славян, уже в первых веках нашей эры наблюдался переход к военно-демократическому обществу, однако для их физической культуры данного периода принцип имущественного разделения ещё не был характерен, поэтому здесь можно говорить о процветающей (по необходимости военно-политического свойства) системе практически всеобщего и непрерывного физического воспитания, распространяющегося, по крайней мере, на мужскую часть свободного населения. Понятно, что имеется в виду четко ориентированная на военные набеги и оборонительные действия система, прежде всего военно-физического воспитания. «Славянский мальчик с юных лет знал, что он должен вырасти воином» [Леонтьева Н. С., 2010; с. 55].

Вместе с тем, физическая культура восточных славян не была однополярной. «Наряду с массовыми и религиозными широкое распространение получили военные игры» [там же]. Например, обряд инициации славянских юношей «постепенно преобразился в игрища, посвященные языческим богам: Перуну, Триглаву, Святовиту, Сварогу, Хорсу, Даждьбогу, Стрибогу и другим. Игрища носили соревновательный характер» [там же, с. 57].

В приведенном фрагменте, на наш взгляд, закрались две неточности, граничащие с ошибочным толкованием. Первое. Кроме Перуна (на счет этнического происхождения последователей которого историки, кстати, до сих пор до конца не определились) остальные перечисляемые боги, по большому счету, военными богами не считались и, выполняя приписываемые им функции защиты и покровительства родов и племен, воинских генераций, религиозно-боевых братств не создавали. Хотя тайные союзы, мужские дома для подготовки молодежи к обряду инициации и, далее, к военной защите территории рода они, несомненно, имели. Вот культ Перуна действительно был ярко выраженным воинским культом, сплотившим воинские дружины северных славянско-варяжских племен.

Перуну поклонялись члены боевого братства варягов (до сих пор не идентифицированных окончательно на предмет их социально-этнической или чисто военно-религиозной организации). Приблизительно таким же братством выступали скандинавские воины-викинги, практиковавшие военный культ бога Одина.

Второй неточностью указанного фрагмента следует считать упоминание спортивного характера восточнославянских физических «игрищ». То, что они, будучи религиозно-оформленными, носили состязательный характер, сомнений нет. Однако к спорту их отнести трудно, причём не только по религиозно-политическому признаку (культовое ядро славян явно никак не совпадает и не пересекается с культовым ядром греко-римского сообщества), но и по формально-светскому признаку (у славян описываемого периода ещё не могло быть «праздного» класса, широкой социальной группы, которая культивировала бы спорт как развлечения и/или механизм внутренней политической борьбы). Хотя, очевидно, в результате военных походов восточных славян в Грецию и на Крит ими была заимствована «тавромахия» – культовые игры с быком, заключающиеся в акробатических прыжках через голову и круп бегущего животного [там же, с. 58].

Другой фрагмент цитируемого автора, будто «по итогам состязаний, проводившихся на игрищах, победители становились членами княжеских дружин без обязательных испытаний, которым подвергались молодые воины, желающие вступить в дружины» [там же], также не совсем точен и нуждается в комментарии. Дело в том, что институт княжеских дружин имел три взаимосвязанных звена: отроки, гриди (гридни), воинская старшина (десятские, сотские, тысяцкие). Первые два звена составляли младшую, а третье – старшую дружины. Отдельные внеочередные перемещения, как и в любой другой системе иерархических групп, в дружине, конечно же, имели место, но противопоставлять итоги состязаний обязательным испытаниям не очень уместно, по той простой причине, что эти состязания и выступали необходимой частью обязательных испытаний. Окончательный вердикт выносила война, воинская деятельность – быть или не быть «опоясанным гридем», войти или не войти в состав старшей дружины.

Ещё одной (на этот раз грубой) ошибкой является попытка многих авторов позиционировать рукопашный бой как обязательную, да ещё и активно применяемую в боевых условиях, часть воинской подготовки восточных славян.

Древний и средневековый славяно-варяжско-скандинавский религиозно-боевой институт единоборств в своей основе был оружным (работа с оружием) и не предполагал безоружного рукопашного боя. Оружие было прерогативой свободных людей, а каждый свободный представитель славянских племен (кроме невоинских жрецов) по необходимости либо был воином, либо «начинал» как воины (независимо от его основного социально-производственного занятия и статуса).

Поэтому упоминание, будто славянское воинство «закрепляло успех боя рукопашной схваткой» [там же, с. 60], не соответствует исторической достоверности. Это принципиальное возражение, ибо оно влияет на характеристику всего восточнославянского физического воспитания, которое было именно военно-физическим с ритуальным элементом, а не общефизическим. Соответственно, виды и комплексы упражнений были подчинены требуемым навыкам по владению определенными типами и видами вооружения (метательным, колюще-рубящим, для конного или для пешего бойца), а также по характеру ведения боевых действий (наступательный, оборонительный, на суше, на воде, в условиях леса, степи, лесостепной зоны, при взятии города, на открытой местности). Отсюда (если не брать фольклорную культуру «Петрушки», то есть ярмарочно-балаганных, празднично-оборонческих единоборств, танцев и народных игр) легко идеально реконструировать весь состав (наполнение) программы физической подготовки славян. В эту программу входили:

- упражнения с разнообразным оружием на выносливость;
- плавание, гребля, ныряние, военная гимнастика и акробатика, то есть виды, без которых воин не имел права сесть за весло ладьи;
- бег, прыжки и прыжки с шестом, метание, поднятие и переноска тяжестей (бревна, камня), катание на лыжах, санях;
- конная езда и джигитовка;
- игры («ходьба и бег на ходулях», «городки», «взятие (оборона) ледового городка», «чур» (подобие хоккея), «конный бой»).

Воинское (военно-физическое) воспитание начиналось очень рано – с трех-четырех лет и продолжалось практически до окончания жизни. Причём это же во многом касалось и некоторых славянских женщин-воительниц, которые в войске не были исключением, хотя не были и правилом. Иначе говоря, шанс на получение воинского воспитания изредка имели представительницы знатных воинских родов (свои и удочеренные).

Эффективность системы физической культуры восточных славян до нашей эры подтверждается успехом их военных кампаний 584, 610–626, 860 гг., походами Аскольда, Олега, Игоря, Святослава, Владимира.

Физическая культура средневековой Европы, естественно, в первую очередь должна рассматриваться при анализе эволюции агонально-спортивной традиции с древности до наших дней. И не так уже важно, что европейское Средневековье знаменует собой кажущийся разрыв в указанной традиции, потому что диалектически средневековая физическая культура – это «первое отрицание» физической культуры Античности. Без понимания сути эволюционных процессов, происходивших в Средние века на Западе было бы затруднительно правильно понимать и интерпретировать ремикс агонально-спортивной традиции в Новое время и в Новейшей истории, представляющий собой «второе отрицание» единого диалектического процесса развития мировой физической культуры, характерной для современной цивилизации.

Физическая культура средневековой Европы в системном выражении имела жесткие сословно-классовые ограничения, сугубо военно-прикладное значение и ярко выраженную религиозно-церковную ориентацию. По большому счету, речь может идти лишь о рыцарском физическом воспитании. Другими составляющими рассматриваемой физической культуры, например, практиковавшейся в лагерях чешских «гуситов» или у английских йоменов, в силу их относительной бессистемности и исторической пространственно-временной локализованности, по нашему мнению, вполне можно пренебречь, хотя в истории эволюции института единоборств свою роль эти народные (оборонческие и праздничные) формы всё-таки играли. К примеру, чешские табориты практиковали использование в бою целого ряда сельскохозяйственных орудий, очень напоминая этой особенностью и направленностью своей борьбы средневековых мастеров «окинава-тэ» (единоборства окинавских крестьян, успешно противостоящего японскому джиу-джицу, культивируемому самураями-завоевателями). Точно также и подготовка чешских таборитов Яна Жижки довольно долго «брала верх» над выучкой сборного состава рыцарских отрядов (не путать с самими рыцарями).

Искусство боя на шестах и стрельбы из луков английских свободных (вольных) стрелков, в свою очередь, напоминает искусство китайских монахов и японских самураев, о которых пойдет речь далее. Но, к сожалению, искусство и так не имевшее широкого распространения, было отодвинуто «на второй план» огнестрельным оружием на несколько веков раньше, чем на Востоке.

Обратимся к системе физического воспитания рыцарства, в силу вышеуказанных причин имевшего почти монополию на развитие. «Военно-физическое воспитание будущих рыцарей начиналось с 7 лет, обычно при дворах крупных феодалов. Замки сюзеренов выступали прообразом школ для молодых феодалов. Однако, и это естественно, подобные «школы» не были государственными, а скорее, частными семейными» [Петракова В. Е., Леонтьева Н. С., 2010; с. 74]. Система имела три концентрически повторяющие друг друга ступени: паж (с 7 до 14 лет), оруженосец (с 14 лет до 21 года), рыцарь (с 21 года или «как повезёт»). Третья ступень была сугубо индивидуальным обучением и только для избранных, как правило, феодалов с крупным состоянием.

Однако нам интересно другое, а именно то, что в процессе своего развития данная система практически создала необходимые условия для возникновения современного спорта, причём и как религиозного состязания и как развлечения для имущих классов и сословий, которое вызывало большой интерес и у простого народа. Попробуем это показать.

Одна из глав очерка «Германия» римского историка Корнелия Тацита начинается так: «Их (германцев) зрелища на всех собраниях одни и те же: обнаженные юноши прыгают с разбега меж врытых в землю мечей и смертоносных фрамей (копий – А.П.). Привычность этой игры сделала её искусством, и искусство придало изящество этому зрелищу, которое никогда не вознаграждается: их дерзкая ловкость требует лишь одной награды – удовольствия зрителей». Подобные игры, связанные с инициациями, по мере христианизации Европы преобразовывались в рыцарские турниры» [там же, с. 78]. Таким образом,

«рыцарская физическая культура создала особую форму военно-спортивных состязаний – турниры» [там же].

Это были именно состязания, поскольку носили характер «божьего суда», напомним, исторически первой социальной формы единоборческого поединка. И это первое.

С другой стороны, Католическая церковь «запрещала турниры... под предлогом, что эти праздники отвлекают рыцарей от крестовых походов и требуют чрезмерных затрат, которые целесообразнее использовать на войну с неверными» [там же, с. 80]. Этот фрагмент, приводимый авторами по факту запрета турниров Папой Иннокентием IV на Лионском соборе в 1245 г., в том числе отображает и борьбу Церкви с военно-религиозным культом рыцарства, порой охватывающую целые государства и могущественные рыцарские Ордены (генерации, союзы). Это второе.

«Короли также часто выступали против посвящения дворян в рыцари во время турниров, не желая, чтобы победа в настоящем бою давала победителю право получения рыцарства» [там же]. Авторы упоминают один из подобных случаев, когда Филипп II Август в 1209 г. заставил своих детей дать клятву, что они не будут участвовать в турнирах. Данный факт отражает понимание представителей власти, основанной на военной силе, реальную направленность турнирной подготовки рыцарей, ослабляющей, в итоге, эту воинскую силу (очень характерная ремарка в адрес современной военно-спортивной прикладности спортивных единоборств). Иными словами, подготовка к турнирам соотносилась с реальной боевой подготовкой рыцарей, как подготовка гладиаторов в Древнем Риме соотносилась с боевой подготовкой легионеров, то есть в лучшем случае это было соотношением иллюзорно-компенсаторной модели к действительному оригиналу-прототипу. И это третье.

«Средневековые турниры можно назвать регламентированными спортивными состязаниями, так как их всегда возглавляла судейская коллегия, состоявшая из старших и наиболее опытных рыцарей... Турнирные судьи строго следили за соблюдением правил турнира, объявляли победителей и награждали их призами» [там же, с. 80–81]. А вот и форма типичного спортивного соревнования – спортивный регламент и судейская бригада. Это четвёртое.

Наконец, участники турниров сражались, используя специальное «куртуазное» (затупленное, лишённое боевых качеств, снабжённое предохраняющими контурами) оружие, давая при этом клятву, что не помышляют о крови и мести, а выступают исключительно из соображений «владения воинским искусством» [там же, с. 79]. Перед нами зачаточные формы имеющих в современном спорте широкое распространение и признание принципов гуманизма, честной игры, спортивной борьбы. Это пятое, но не последнее.

Скучающие и ищущие развлечений феодалы не ограничивались турнирами. Они много охотились, занимались дрессурой собак, соколов, лошадей, боролись (жестко и мягко), фехтовали, бегали и прыгали, плавали – иными словами, культивировали виды физического воспитания и единоборств, которые в XIX в. благополучно превратились в виды спорта.

Эпоха рыцарства породила массу игр, развлечений, в которых оттачивались как навыки турнирной подготовки («квинтина» – игра со специальным тренажером – манекеном, крепящимся на вертикальном шесте и способным «дать сдачи» в случае неточного удара копьем), так и навыки групповой борьбы (боя) представителей средневековых городских цехов против отрядов бродячих рыцарей («суль» – прообраз современного футбола).

Из походов в восточные и азиатские страны рыцари привезли конное поло и шахматы.

«Любимое развлечение рыцарей – метание камней после появления метательных орудий начинает терять связь с военным делом, а в XII–XIII вв. начинает использоваться только как средство развития силы» [там же, с. 87]. Похожая судьба сложилась со стрельбой из лука, вольной борьбой, фехтованием, в которых накапливались приемы и правила, характерные для их современных спортивных аналогов. Популярностью у рыцарского сословия пользо-

вались танцы и игры с мячом, например «же де пом» («игра с яблоками» – прообраз современного тенниса).

Итак, рыцарская система физического воспитания фактически создала весь арсенал видов, в дальнейшем названных любительским или аристократическим спортом. Осталось их лишь спортизировать, для чего начали складываться благоприятные условия: «Эпоха рыцарства пришла в упадок в XVI в.; к этому времени появились порох и огнестрельное оружие, наемные войска (ландскнехты). Как следствие рыцарская система физического воспитания стала архаичной, не соответствовала современности и изжила себя» [там же, с. 93]. В этом фрагменте авторы сделали не совсем верный, по существу развития физической культуры, вывод. Изжило себя и стало архаичным не физическое воспитание рыцарей, а само рыцарское сословие. Как раз рассматриваемая система военно-физического воспитания стала эволюционировать дальше, сыграв роль переходного мостика к современному спорту. Данный факт не могли не заметить и авторы анализируемого материала, которые, в конце концов, пришли к единственно правильному (хотя и не совсем полному) выводу о том, что «рыцарские турниры, по сути, явились предшественниками будущих спортивных состязаний» [там же, с. 95]. Однако следует добавить, что в ходе трансформации была сохранена и развита форма турниров, но было потеряно во многом их духовное содержание, кодекс рыцарства, а также весь пласт изящной средневековой куртуазности, напоминающей мусическую составляющую Олимпийских игр древности (танцы, манеры, поэзия).

Другим предшественником современного спорта (или его определенной части) стала культура средневековых восточных единоборств, понесшая в ходе своей аналогичной трансформации такую же духовную потерю (мусического начала и кодекса воинов-самураев). Однако, в отличие от Европы, на Востоке, например в Японии, также вступившей в эпоху феодальных отношений и вышедшей из нее гораздо позже, система военно-физического воспитания просуществовала вплоть до конца XIX в., несмотря на применение и начало относительно широкого производства огнестрельного оружия уже с середины XVI в. На это есть ряд причин.

Во-первых, «по сравнению с Европой японский феодализм характеризуется значительно большей многочисленностью военного дворянства. В XVI–XVII вв. сословие самураев насчитывало около 2 миллионов человек, т. е. примерно десятую часть населения страны. В европейских странах число рыцарей, как правило, не превышало 1–2 процента от всего населения» [Мельникова Н. Ю., Трескин А. В., Абиев Р. Д., 2010; с. 97].

Во-вторых, жесткое сословное деление в Японии установилось лишь в конце XVI в., точнее – в 1591 г., когда был узаконен факт наследственности самурайского звания и запрещены межсословные переходы. Самураи стали единым и единственным воинским сословием всадников-дворян, сформировавших японский институт рыцарства. Напомним, что английское *chivalry* («рыцарство»), французское «шевалье» – «кавалер», русское «кавалерия», немецкое «*ritter*» (русский эквивалент – «рыцарь») – это разноязычные слова, означающие – «всадник» [там же, с. 112].

В-третьих, как уже отмечалось, отношения между христианской церковью и европейским рыцарством не всегда были равными. «Равновесие между основами христианства, фундаментом которого были мир и любовь, и рыцарями, чьим основным делом была война, было очень хрупким. Однако церковь благословила оружие и окружила рыцаря священным ореолом. Нравственное начало христианских традиций связано с жертвенностью личности ради духовного спасения человечества, обращенного в христианскую веру» [там же, с. 112].

У японских самураев личная жертвенность была представлена и обставлена не менее пафосно, но предназначалась она исключительно для сюзерена – господина.

Кроме того, «Бусидо» («Кодекс чести» самурая) очень органично «лег» на традиционные для Японии религиозные системы синтоизма и буддизма. Дзен-буддизм вообще факти-

чески стал религиозно-философским ядром Бусидо, помог «разрешить нравственное противоречие между насилием и буддизмом» за счет апелляции к опустошенному или пустотному сознанию, состоянию, в котором самурай действует, лишь подчиняясь мировой гармонии и объективному порядку вещей [там же].

В-четвертых, военно-физическое воспитание японцев основывалось на древнем институте боевых единоборств, по сути им и являлось, так как сражение японских самураев всегда разбивалось на парные поединки с последовательным выбыванием участников. Военно-единоборческим трофеем всегда выступала отрубленная голова уважаемого и доблестного противника. Интересно, что в войне с монголами японцы были шокированы анонимностью трофеев «варваров», отрезавших лишь уши поверженных врагов.

Итак, институт единоборств, национальные религии, восточный культурный ритуализм, традиционализм и изоляционизм, о которых, помимо нас, упоминают многие авторы, укрепили систему военно-физического воспитания японцев, закалили её, сделав менее уязвимой перед лицом промышленной революции и капитализации общества. Но, в итоге, даже всего этого не хватило, чтобы устоять перед глобальной спортизацией данной физической культуры в XX в. А японский (как и европейский) вариант состязательности послужил в этом процессе не помехой, а скорее благоприятным обстоятельством. Чтобы во всей полноте осознать данный факт, необходимо обратиться к анализу эволюции сферы физической культуры в Новое время.

Физическая культура в Новое время

По сути дела, указанную эволюцию можно разбить на два основных этапа (фазы):

- образования и развития национальных систем физического воспитания в Новое время;
- их последующей исторической спортизации, оформления как направлений и видов спорта.

Начавшиеся в XVII в. буржуазные революции, положившие конец эпохе феодализма и поднявшие к кормилу государственной власти буржуазию, создали производственно-экономические и военно-политические условия, потребовавшие развития и систематизации национальных сфер физической культуры и их идеологического обоснования, а последнее, в свою очередь, озаботилось созданием новых устойчивых и перспективных форм продвижения физической культуры. В роли идеологического лидера в данном случае выступали социально-педагогические идеи и концепции философов-просветителей Джона Локка, Жан-Жака Руссо, Иоганна Генриха Песталотци. Главным институтом физической культуры в Новое время стал (вернее продолжал оставаться) институт физического воспитания, подхвативший и переработавший содержание средневековых систем военно-прикладной подготовки, подведя их под относительно новую форму – форму гимнастических комплексов. Правда «гимнастика к концу XVIII в. ещё не определилась как специфическая форма организации физического воспитания, а включала все известные в то время элементы физического воспитания человека: ходьбу, бег, прыжки, плавание, метание, борьбу, фехтование, бег на коньках, игры и т. д.» [Поликарпова Г. М., 2012; с. 87].

Целенаправленный импульс к системной самоорганизации национальных гимнастик обеспечили философско-педагогические теории. Значительный вклад в указанное теоретическое осмысление внесла, например, книга Джона Локка «Некоторые мысли о воспитании», ориентированная на военно-физическое воспитание джентльменов (деловых людей), то есть дворян и буржуа. Чтобы в нужный момент превратиться в хорошего солдата, по убеждению Локка, джентльмен должен иметь сильную волю, характер, нравственную основу дисциплины, что воспитывается жестким режимом, закаливанием организма, телесным вос-

питанием при занятиях плаванием, фехтованием, верховой ездой, при увлечении гребным и парусным флотом. Это и понятно, ведь Англия в то время уже претендовала на роль ведущей морской державы и стратегически планировала ведение военных действий именно на море.

Одновременно Локк прорабатывал вопросы сочетания умственного и ремесленно-ручного труда, семейного воспитания и теорию активного отдыха, в основе которого он видел укрепление телесного здоровья. В последнем случае Локк, отталкиваясь от не совсем верного перевода изречений древнеримского поэта Ювенала, создал клише: «в здоровом теле – здоровый дух». На самом деле, у самого Ювенала, рассматривавшего тему божественного произвола и судьбы, эта мысль звучит иначе: «Чтоб бодрый дух был (оставался) в теле здоровом... нужно молиться богам».

Джон Локк, что для нас особенно интересно, требовал обучать детей практически полезным вещам, превратив процесс обучения в игру и развлечение.

Велико влияние на развитие теории физического воспитания Жан Жака Руссо, который в сочинении «Эмил, или о воспитании» изложил свой проект воспитания детей в контексте идей естественного права, то есть ратовал за соответствующее, следующее природе свободное воспитание, делая при этом акцент на развивающие здоровье и силу телесные упражнения. Без этого Руссо не видел возможности развивать ум и рассудительность.

«В физическом воспитании Руссо рекомендовал применять соревновательный метод, предлагал проводить национальные праздники, включая в программу массовые спортивные состязания и игры», видел в этих праздниках «важные средства развлечения и национального единения» [там же, с. 90].

«Первым из педагогов предложил своеобразную классификацию физических упражнений в зависимости от движений в суставах» швейцарский ученый Песталотци в работе «О физическом воспитании как основе опыта построения элементарной гимнастики, содержащей последовательный ряд физических упражнений» [там же, с. 91].

В своей «Элементарной гимнастике» Песталотци учитывает организацию производственного труда, режим, специальные физические упражнения, игры, пешие прогулки, катание на лыжах и коньках, плавание – как факторы, обеспечивающие высокий уровень физического развития, наряду с военными занятиями.

А вот его последователь Франциско Аморос уже чётко и сфокусированно использовал гимнастику Песталотци в целях военно-физической подготовки испанских солдат, заложив систему французской естественно-прикладной гимнастики. Но об этой системе речь пойдет несколько позже.

Влияние идей Песталотци проявилось не только во Франции, но и в Германии, где Иоганн Бернхард Базедов открывал частные благотворительные «школы друзей человечества», «школы человеколюбия» или «филантропины» с преподаванием, в том числе, и физических движений. Учителя этих школ Герхард Ульрих Антон Фит и Иоганн Христиан Гутс-Мутс предприняли шаги в отношении систематизации физических (гимнастических) движений. Фит в работе «Опыт энциклопедии физических упражнений» выделил пассивные (с помощью предметов: поднятие тяжестей, стрельба, фехтование, верховая езда) и активные (простые движения тела: ходьба, бег, прыжки, плавание, танцы) упражнения. Гутс-Мутс построил гимнастическую систему на основе греческого пятиборья (бег, прыжки, метание диска и копья, борьба). В своих трудах «Гимнастика для юношества», «Гимнастическое руководство для сынов отечества» он уделил внимание режиму гимнастов, подготовке к упражнениям, играм, строевым упражнениям. Разработал технику упражнений на снарядах.

Таким образом, первоначально гимнастика создавалась педагогами в качестве всеохватывающей области физического воспитания, но в стороне от государственной политики. Питавшие её гуманистические и просветительские идеи носили ещё абстрактный, социально-политически не очень четко выраженный характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.